И.В. Волков

УДК 903.23(471.61)«12»-033.6

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА КОМПЛЕКСА КАБАРДИ (1240–1260)[1]

Ключові слова: Семенівська фортеця, Кабарді, Приазов'я, полив'яна кераміка, імпорт, хронологічний індикатор.

Публікується колекція полив'яної кераміки, отримана в результаті розкопок середньовічного поселення на території Семенівської фортеці у 1995–1996 рр.

Розглянутий комплекс є досить показовим, характеризує дуже короткий період побутування предметів, дозволяє отримати їх детальну хронологію для XIII ст.

Публикуемая коллекция поливной керамики получена в результате раскопок средневекового поселения на территории Семеновской крепости в 1995–1996 гг. Русская земляная Семеновская крепость расположена на западной окраине с.Беглицкая Коса, на левом восточном устьевом мысу р. Миус. Крепость входила в систему оборонительных сооружений, возведенных для защиты вновь основанного Таганрога в 1698–1711 гг. Первые сообщения о находках здесь средневековых вещей относятся еще к 20-м гг. XX в., когда систематические обследования памятников побережья Таганрогского залива проводило Северо-Кавказское бюро краеведения. М.А. Миллер отметил, что «по рассказам местных жителей у устьев Миуса постоянно вываливаются из обрыва «корчаги», т. е. большие сосуды с двумя ручками. Здесь найдены, между прочим, две ручки, поднятые над венцом и одна из двух круглых в сечении прутов. Эта часть берега требует дальнейшего обследования»[2]. Однако дальнейшие исследования средневекового поселения тогда не были продолжены.

В 1992 г. на территории Семеновской крепости были проведены охранные раскопки объединенной экспедиции РГУ и Таганрогского музея-заповедника[3], причем первоначально целью исследований были русские сооружения XVII–XVIII вв. внутри валов. Материалы этих раскопок предварительно опубликованы, в том числе и поливная керамика[4]. Авторы исследований отнесли материалы средневекового слоя к XII–XIII вв.[5] Затем раскопки были продолжены Южнороссийской комплексной экспедицией Института Наследия[6], причем раскопы 1995–1996 гг. соединили пятна более ранних раскопов (рис. 1) на северо-западной окраине крепости (прибрежная полоса за промежуток между исследованиями существенно обвалилась в море).

Культурный слой поселения очень невыразительный, толщина грунта, содержащего находки не превышает в среднем 30 см, за исключением участков, прилегающих ко рву и валу крепости, а также отдельных углублений в материке. На большей части площади немногочисленныефрагменты керамики русского периода встречаются вплоть до материка. Можно предполагать, что слой был несколько толще, т. к. при

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проекты №№ 04-01-38004а/Ю, 04-01-00282а.

[2] *Миллер М.А.* Обследование памятников истории материальной культуры северного побережья Азовского моря (Предварительное сообщение) // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. – Ростов-на-Дону, 1927. – № 1–6 (8–12). – С. 84.

[3] *Ларенок П.А.* Охранные раскопки Семеновской крепости // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. – Азов, 1994. – Вып. 12. – С. 75–80.

[4] *Ларенок В.А.* Поливная керамика Семеновской крепости // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. – Азов, 1994. – Вып. 12. – С. 132–136.

[5] *Ларенок П.А.* Указ. соч. – С. 77, 136.

[6] *Волков И.В.* Исследования Южнороссийской комплексной экспедиции в Приазовье в 1995–1997 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. – Азов, 1998. – Вып. 15. – С. 48–53; *Волков И.В.* Сектор комплексного исследования культурного и природного наследия Юга России // Наследие и современность: десять лет Институту Наследия. Информационный сборник. – Вып. 10. – М., 2002. – С. 185–188.

фортификационных работах очень вероятно срезание дерна. Но уменьшение мощности не могло быть значительным, поскольку перекрытый валом непотревоженный слой по толщине едва превышал 15 см. Тем не менее, даже с учетом разрушений только последних лет, представляется, что сохранилась только периферийная часть поселения, а наиболее интенсивно застроенный в прошлом прибрежный участок (до нескольких десятков метров) уже уничтожен. За время работ 1995–1996 гг. исследована одна землянка (яма № 23) и 23 ямы (№№ 6–29), большая часть которых относится к XIII в.

Почему это поселение – Кабарди.

Рассматриваемый памятник не может быть однозначно признан портом Кабарди, однако по сумме факторов такая локализация является наиболее вероятной.

Исследованный населенный пункт – один из многих в сети поселений Приазовья, существовавших очень непродолжительное время после монгольского нашествия преимущественно до реставрации Византии. Эта сеть поселений получила отражение на портоланах европейских (итальянских, греческих и др.) мореплавателей, использовавшихся в XIII–XV вв. и позже. Примечательно, что все сохранившиеся на текущий момент портоланы относятся к тому времени, когда отмечаемых поселений уже не существовало. Тем не менее, европейские навигационные пособия позволяют с высокой долей вероятности определить средневековые итальянские названия большинства населенных пунктов. Наибольшая вероятность ошибки связана с тем, что в разное время под одним и тем же названием могли скрываться разные объекты (особенно после исчезновения постоянных поселков), а местное название могло отличаться от итальянского.

Целесообразно рассматривать данные о Таганрогском заливе в целом, поскольку это водоем с выразительными границами и ориентирами. Четко локализуемыми пунктами в данном случае являются: Тарио (Тар Магно) – Должанская коса, Паластра – Белосарайская коса, Тана – Азов (территория крепости). Ближайший к Кабарди идентифицируемый объект – это река Росса (Rossa, Rosa), соответствующая Миусу. На европейских картах XVII в. и более позднего времени можно даже встретить подпись «Fl. Mijuß olim Rossa» (р. Миус, раньше Росса). Небольшие сомнения в таком сопоставлении вызывает то, что на небольшом количестве портоланов ее устье располагается существенно западнее того места, где должен быть Миус (ориентиры для этого – расположенный почти строго на юг Ейский лиман, общие размеры залива).

Восточнее этой реки в абсолютном большинстве случаев обозначался пункт Кабарди, часто выделявшийся красным цветом, что говорит о его важности. Только в исключительных случаях Кабарди помещался к западу от р. Россы, что позволяет считать его приустьевым поселком. Но если отбросить такие исключительные случаи, то окажется, что есть два основных варианта разного расположения Кабарди. Кроме устьев рек на северном побережье Таганрогского залива часто изображали две «бухты», одна из которых соответствует Таганрогской, а другая – Миусскому лиману (обозначалась не всегда). Названия Кабарди и Порто Пизано по-разному группируются относительно них.

Наиболее распространенным является вариант, при котором с восточной стороны от Таганрогской бухты располагается Порто Пизано, а приблизительно в 20–50 милях к западу, восточнее Миусского лимана – Кабарди. Сюда относятся карты Петро Весконте 1318 (рис. 4) и 1320 гг., Марино Санудо Старшего 1321 г. (рис. 6), Анджелино Дальорто 1325–1330 г. (рис. 7), в анонимном атласе 1351 г. и далее в течение всей «эпохи портоланов» с разной степенью соответствия более ранним прототипам[7]. Примечательно, что к этой же традиции относятся и произведения Грациоза Бенинказы 1469 (рис. 8), 1471 и 1480 гг.[8], но у этого картографа нет ярко выраженной бухты у Кабарди, но четко напротив последнего обозначены стоянки в линию вдоль косы, почти параллельной берегу.

Видимо, самыми ранними в другой традиции являются карты Франческо и Марино Пицигани 1367 г. и Франческо Пицигани 1373 г.[9] Хотя и в значительно меньшей мере, эта традиция также была распространена в последующее время (рис. 5) в португальской картографии. Если ориентироваться только на карты этой традиции, то Кабарди, как и Порто Пизано, придется располагать на месте Таганрогской бухты, вернее, на расстоянии прямой видимости от Таганрога. Поскольку между Куричанским поселением и Семеновской крепостью находятся еще по крайней мере три приблизительно синхронных (но существенно менее значительных) поселения – Самбекское, Петрушина Коса,

[7] *Димитров Б.* България в средновековната морска картография XIV–XVII век. – София, 1984. – Табл. 3–5, 7–9.

[8] Там же. – Табл. 25–27.

[9] Там же. – Табл. 10, 11.

Золотовское – то резонно было бы предполагать, что название Кабарди относится к какому-то из них, скорее всего, к Петрушиной Косе.

Однако сравнение карт со словесными портоланами (которые вполне могли использоваться для корректировки расположения названий на графических) и данными «Практики торговли» Франческо Пеголотти показывает, что такое сопоставление выглядит очень сомнительным.

Самый ранний сохранившийся итальянский словесный портолан[10] рисует противоречивую картину, причем в нем упоминается только часть названий, фигурирующих на рисованных картах. Источник был создан между 1250 и 1265 гг., а записан в 1296 г.[11] При рассмотрении его фрагментов уже приходилось отмечать явные ошибки в румбовых направлениях и расстояниях, что, впрочем не сильно уменьшает важность и точность источника[12]. Нужный фрагмент выглядит следующим образом (расстояния дополнительно переведены в км, исходя из того, что использована стандартная величина портолановой мили – 1230 м).

От Тарио до Таны – 130 миль на ССВ (159,9 км).	*De Tario a Tana CXXX millara entre greco e tramontana.*
От Тарио до Кабарди – 100 миль на ССВ (123 км).	*De Tario a Cabardi C millara entre greco e tramontana.*
От Кабарди до Таны – 30 миль на ВЮВ (36,9 км).	*De Cabardi a Tana XXX millara entre levante e silocco.*
От Кабарди до Касале де Росси – 30 миль на ЗЮЗ (36,9 км).	*De Cabardi allo Casale de Rossi XXX millara entre ponente e garbino.*
От ло Касале де ли Росси до Паластры – 70 миль на ЗЮЗ (86,1 км).	*De lo Casale de li Rossi a Palastra LXX millara entre ponente e garbino.*
От Паластры до порта Сан-Джорджи – 40 миль на ЗЮЗ (49,2 км).	*De Palastra al porto de San Georgi XL millara entre ponente e garbino.*
От Паластры до Тарио – 25 миль на ЮВ (30,8 км).	*De Palastra a Tario XXV millara per silocco.*
От Паластры до Пондикоперы – 140 миль на ЮЮВ.	*De Palastra a Pondicopera CXL millara per meczo iorno ver lo silocco.*

Легко понять, что есть существенные внутренние противоречия источника. Например, расстояния Тарио-Тана – 130 миль, Тарио-Кабарди – 100 миль, Кабарди-Тана – 30 миль должны однозначно указывать на то, что все три пункта находится на одной прямой. Следовательно, путь от одного до другого может идти только в одном направлении или противоположном ему. Но в тексте даны разные румбы. Следовательно, описанное взаиморасположение в принципе невозможно. Также одинаковыми получаются расстояния Кабарди-Тарио и Кабарди-Паластра, хотя в любом случае Паластра находится дальше, а расстояние до нее дано через пункт с противоположного берега залива. Подозрительно выглядят округленные расстояния. Существенно, что здесь не упоминается Порто Пизано. Следовательно, или источник относится к тому времени, когда один из двух главных портов на этом побережье еще (уже) не существовал, или это описание одного конкретного плавания с заходом в один из них, что может быть причиной путаницы.

Если строго следовать данным этого портолана, то окажется, что Кабарди ближе всего соответствует Куричанскому или Самбекскому поселению (или им обоим), и уж во всяком случае находится не западнее Петрушиной косы.

Составление следующего по времени источника относится к 1340-м годам, но содержащаяся в нем информация – более ранняя, на неопределенное время. Это «Практика торговли» Франческо Бальдуччи Пеголотти.

Lo primo porto inverso la Tana si e Porto Pisano, e caricasi presso alla terra a 5 miglia nave di 2000 moggia di Pera, e li altri minuti si caricano piu presso secondo che sono grandi o piccioli. E la misura di Porto Pisano e tutta una con quella di Caffa.	Первый порт противоположный Тане – это Порто Пизано. [Там] грузятся на расстоянии 5 миль от берега суда [водоизмещением] 2000 модиев Перы, а другие меньшие – грузятся ближе в зависимости от того, малы они или велики. И измерение в Порто Пизано совершенно едино с оным в Каффе.

[10] Il compasso da navigare. Opera italiana della meta del secolo XIII // A cura di B.S. Motzo. – Cagliari, 1947. – P. 136.

[11] Там же. – P. V,IX.

[12] *Волков И.В.* О возможностях локализации Копы (Копарио – Ло Коппа) // Древности Кубани. – Краснодар. – Вып. 12. – С. 28.

Lo secondo porto si e lo Cobardi, e caricasi presso alla terra a 10 miglia chente che nave si sia, pero che vi si caricherebbe ogni navile. E la misura de lo Cobardi e maggiore che quella di Caffa 1/2 per centinaio[13].	Второй порт – это Кобарди, там грузятся в 10 милях от берега все суда, какими бы они ни были, потому что там могут грузиться все небольшие корабли. И меры в Кобарди больше, чем таковые в Каффе на $^1/_2$ процента.

Как видим, этот автор не указывает расстояния между двумя пунктами, но характеризует их как отдельные порты, расположенные на мелководных участках, где морские суда останавливались соответственно в 5 и в 10 милях от берега. В этом случае для Куричанского и Самбекского поселений (и даже для Петрушиной косы), которые располагаются на расстоянии прямой видимости, следовало бы делать одну общую якорную стоянку. Различия в торговых единицах измерений также свидетельствуют о том, что два главных порта были существенно отдалены друг от друга. В таком случае едва ли на роль Кабарди может претендовать даже Новозолотовское поселение, расположенное в одном дневном переходе от «гнезда» трех упомянутых поселений у Таганрога.

В определенном соответствии с данными «Il compasso...» находится информация словесного портолана Грациоза Бенинказы[14]. Источник относится к тому времени, когда плавания итальянцев в Черное, и тем более Азовское, моря постепенно уходили в прошлое, к 1435–1445 гг.[15] Показательно также, что эта словесная информация не в полной мере соответствует картам того же автора.

189. El chapardi, venendo entro per chanale la menore aqua che truoui sie pie XIIII e uai fino al remegio primo chesse chiama el chapardi.	189. Капарди. Входя в залив (канал), наименьшая вода (глубина), которую нашел – 14 футов. Затем идешь до первой стоянки, которая называется Капарди.
Da garbino di questo millia doi cioe del remeggio del chapardi elcie vna secha chessopra dessa cie passe doi daqqua e questa secha se tiene chol terreno da silocho e vai in mare fino a mezo chanale.	С юго-запада от нее в двух милях (2,5 км), то есть от стоянки Капарди, есть одна мель, поверх которой воды на два шага. И эта мель соединяется с землей с юго-востока и идет в море до середины пролива (канала).
Porto pigiano, da grecho di questo rimeggio del chapardi millia III elcie. vnaltra secha la qual viene fino a mezo paraggio questa secha sotiene chol terreno da maestro del chanale.	Порто Пиджано. С северо-востока[16] от этой стоянки Капарди на 3 мили (3,7 км) есть еще одна мель, которая идет до середины моря (?). Эта мель соединяется с землей на северо-запад от пролива (канала).
Stattendo nel remeggio del porto pizano aurai pie XIII 1/2 de aqqua.	Находясь на стоянке Порто Пизано, будешь иметь 13 $^1/_2$ фута глубины.
Per tutto questo chanale de la tana andando per el magior fondo el menore fondo che truoui fino a porto pizanosie pie XIIII daqqua.	Во всем этом проливе (канале) Таны, идя в большом конце, и в меньшем конце, который находится до (у) Порто Пизано – 14 футов глубины.
Dal remeggio del chapardi fino al remegio di porto pixano sie millia VIII.	От стоянки Капарди вплоть до стоянки Порто Пизано – 8 миль (9,8 км).
190. Palastra, questo terreno che e da maestro de la boca del chanale de latana pare di mare millia XX la ponta de palastra sie piu sottile terreno che non el terreno che e entro nella bocha la ponta de palastra pare di mare millia XV.	190. Паластра. Это земля, которая находится на северо-запад от устья пролива (канала) Таны, видна из моря в 20 милях. Мыс Паластры – это более узкая земля, чем земля, которая является входом в устье. Мыс Паластры виден из моря в 15 милях.

[13] *Pegolotti F.B.* La prattica della mercatura. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 54.

[14] *Kretschmer, K.* Die italienische Portolane des Mittelaltres. Ein Beitrag zur Geschichte der Kartographie und Nautik // Veroffentlichungen Instituts fur Meerskunde und des geographischen Instituts an der Universitat Berlin. – Berlin, 1909. – H. 13. – S. 419.

[15] Там же. – S. 358, 417.

[16] Здесь явная ошибка направления: на северо-восток от стоянки – суша, если только не имеется в виду, что мель расположена между стоянкой и берегом.

Audando piu entro millia VI che none porto pizano aurai pie X daqqua.	Проходя далее входа 6 миль (7,4 км), где [уже] нет Порто Пизано, будешь иметь 10 футов глубингы.
Schorrese el chanale delatana intre grecho elleuante e de larga la bocha del tairo per fino aporto pixano milia LXXX.	Проплывая пролив (канал) Таны входишь на восток-северо-восток. От открытого (широкого) устья у Тарио, до конца у Порто Пизано – 80 миль (98,4 км).
Da porto pizano fino a la bocha de la fiumara e millia XV.	От Порто Пизано до устья реки – 15 миль (18,5 км).
De la bocha de la fiumara fino alatana si millia V.	От устья реки до Таны – 5 миль (6,2 км).

Как видим, здесь указаны расстояния от Таны до устья Дона – 5 миль, от устья Дона до Порто Пизано – 15 миль, между Кабарди и Порто Пизано – 8 миль. Если следовать исключительно этим данным, то получается однозначная локализация: Порто Пизано – это Куричи, Кабарди – это Петрушина коса. Однако этому противоречит расстояние в 80 миль от Тарио. Также существенно, что от Кабарди на юго-восток идет коса, достигающая середины «морского канала». Если на карте расположить таковую от Петрушиной косы, то получится, что она существенно перекрывает Порто Пизано, что в принципе невозможно. Если подбирать место далее на запад, то окажется, что рядом с Новозолотовским поселением просто нет выразительной косы, уходящей в залив до его середины, а единственная из всех кос, которая идет на юго-восток – это Беглицкая (все остальные направлены на юго-запад). Несколько сгладить противоречие можно только предположив, что стоянка Кабарди находилась в том месте, где мель Беглицкой косы достигала «середины» Таганрогского залива, и это место располагалась напротив Новозолотовского поселения. Полного внутреннего единства в этом случае все равно не будет.

Показательно, что на картах Г. Бенинказы Кабарди всегда располагается вовсе не в 8 милях от Порто Пизано: он находился между Пизано и рекой Россо, ближе к реке, приблизительно в 30 милях от Порто Пизано по прямой. Создается впечатление, что картограф (или его предшественники) просто усреднил данные графических изображений и словесную информацию.

Указанное расстояние в 8 миль может быть обычной опиской. Вопрос только в том, какое число должно было стоять в протографе. Если переписчик, знакомый с «арабским» позиционным способом записи чисел, поставил 5 – «V» вместо 50 – «L», то мы получим расстояние в 53 мили, почти идеально соответствующее интервалу плавания от Таганрогской бухты до Беглицкой косы или устья Миуса. Также эти данные будут в большем согласии с графическим изображением территории на множестве рисованных портоланов, где расстояние от бухты Порто Пизано до устья реки Росса с отходящей на юго-восток косой составляет около 50 миль. Некоторые чисто умозрительные заключения также существенны. Например, надо исходить из того, что оба наиболее важных порта в пределах побережья Таганрогского залива должны были быть хорошо обеспечены пресной водой. В этом случае они должны прилегать к рекам Самбек и Миус. В этих «портах» должна была концентрироваться продукция сельского хозяйства и рыболовства окружающей местности. Следовательно, наиболее практичное их взаиморасположение – на расстоянии не менее двух дневных переходов друг от друга.

Следовательно, более предпочтительной выглядит все же локализация порта Кабарди при устье Миусского лимана, хотя определенные сомнения все же остаются.

Основания для датировки.

Датировка средневекового слоя, обозначенная в названии, может, на первый взгляд, показаться слишком точной и недостаточно обоснованной, поэтому требуется подробное объяснение того, как определялось время существования поселения. Это сделано по комплексу керамики в целом, что не совсем традиционно, но более надежно, чем по находкам немногочисленных монет. За время раскопок была найдена только одна золотоордынская монета, Мухаммеда Булака (1370–1380) чекана Орды, на которой не сохранился год[17]. Находка происходит не из средневекового слоя, а из вала, насыпанного местными жителями вдоль кромки обрыва в ближайшие годы. Следовательно, эта монета –

[17] *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003. – № 225; *Пырсов Ю.Е.* Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. – Казань, 2002. – № 283; *Янина С.А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. – Т. 42. – М., 1954. – № 105.

откуда-то из ближайших дачных участков, где строились дома и ее отношение к поселению не может быть признано. Еще одна медная монета 1350-х гг. (новосарайского чекана с цветком) была найдена на прилегающем пляже одним из строителей нового порта в устье Миуса. Свидетельствует это только о том, что место было посещаемо и в XIV в.

Из этого же места происходят 3 трапезундских монеты, найденные коллекционерами[18]. Это медная монета Иоанна I (1235–1238) и 2 аспра Мануила I (1238–1263). Они соответствуют предлагаемой узкой дате поселения, но точность датировки на этом основании нельзя считать достаточной.

Датировка вещей по-прежнему ведется в основном с помощью формально-типологического метода, однако у последнего есть ряд существенных недостатков. Во-первых, необходимо иметь большое количество закрытых комплексов для построения эволюционных рядов и выяснения закономерностей взаимовстречаемости предметов. Эти закрытые комплексы должны обладать более или менее стандартными наборами вещей, и происходить с одной территории (чтобы избежать ошибки признания локальных отличий за хронологические), при условии, что между комплексами не будет больших хронологических разрывов. Увы, для средневековья таких закрытых комплексов с керамикой в степной зоне Восточной Европы мы не имеем (за исключением катакомбных погребений салтово-маяцкой культуры). Погребения с металлическими вещами известны все же в достаточном (хотя и не исчерпывающем) количестве и к настоящему времени известна серия успешных работ на основе формально-типологического метода[19]. Однако их результаты все-таки не дают даже полувекового барьера точности. Во-вторых, возможность длительного бытования однотипных металлических вещей препятствует получению узких дат.

Многочисленные естественнонаучные методы или обладают недостаточной точностью, или доступны только на ограниченных территориях и при особых условиях.

Поливная керамика (и вообще всякая) происходит, в основном, из культурных слоев, не являющихся закрытыми комплексами. Поэтому традиционное использование формально-типологического метода для ее датировки оказывается не очень эффективным. При этом культурный слой в целом можно расценивать как закрытый комплекс с более широкой датой формирования. Лучшие результаты при анализе материала дают памятники, существовавшие недолго.

В отличие от обычных закрытых комплексов культурный слой обладает существенным преимуществом: количественное соотношение разных групп и типов керамики в нем не является случайным, как в обычном закрытом комплексе. Керамика же обладает рядом существенных преимуществ для датирования. 1 – она всегда представлена на поселениях в большом количестве; 2 – неизбежно в культурных слоях поселений представлены почти все синхронные группы керамического материала, производившиеся на месте и на сопредельных территориях. Особенно показательно это на приморских поселениях, где импортная керамика всегда составляет очень существенную часть всего комплекса, а соотношение импортных групп в одно время – приблизительно одинаково для всех памятников. Достоверность распределения групп в целом может быть проверена даже по склеиваемости сосудов: чем меньшее относительное количество фрагментов подклеивается друг к другу, тем лучше перемешан слой, и, следовательно, соотношение групп лучше отражает реальное выпадение фрагментов импортной керамики. Если же напротив, все фрагменты одной из групп склеиваются в один или два сосуда, то реальная ее общая представленность для этого периода может существенно отличаться.

Вообще выпадение керамики в культурных слоях поселений можно расценивать как «черепковый дождь» (пользуясь палинологической терминологией). Импортная часть этого «дождя» очень живо реагировала на изменения политической ситуации и торговой конъюнктуры. Это обстоятельство позволяет вести корректировку дат для фаз эволюционных рядов, пользуясь исторической информацией.

Естественно, при таком подходе кроме простейшего анализа материала приходится прибегать и к чисто спекулятивным построениям. Приведу только возможные схемы рассуждения, основанные на сопоставлениях дат формирования культурных слоев и исторических событий.

Схема 1. Если культурные слои с определенной группой керамического импорта прекращают формироваться в фиксированное письменными источниками время, то эту дату можно

[18] *Молчанов А.А.* Связи Трапезундской империи и Северного Причерноморья в XIII–XIV вв. по нумизматическим данным // Нумизматический сборник. – № 2. – М., 1992. – С. 87–88.

[19] *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.

распространять на самое позднее звено эволюционного ряда, представленное на таких памятниках.

Схема 2. Если после перерыва в формировании культурных слоев на поселениях (даже разделенных территориально) выпадение черепков какой-то группы керамического импорта не восстанавливается, надо искать событие, которое могло привести к прекращению импорта в пределах интервала в формировании слоев. В дальнейшем дату этого события можно использовать для датирования поступления группы в целом на памятниках с иным временем формирования слоев.

Схема 3. Импорт группы керамики прекращается в определенное время, а затем восстанавливается в более позднее время. Основное действие: поиск пары датированных исторических событий, которые могли привести к прекращению и восстановлению импорта. Если эти события не совпадают с датами перерывов в формировании слоев, то время прекращения и восстановления импорта можно связывать с датами исторических событий, а не временем формирования слоев.

Этих трех схем вполне достаточно для того, чтобы представить и другие возможные логические операции для получения дат керамических комплексов поселений в целом, и фаз для эволюционных рядов групп керамики в частности.

Время существования сети поселений Приазовья, к которым относится и Семеновская крепость, определена в результате применения двух подходов: определения хронологических фаз в развитии импортной керамической тары (преимущественно амфор) и выяснения особенностей соотношения разных групп керамического импорта.

Фон импортов – хронологический индикатор.

Керамическая тара не может служить материалом для сравнения, когда мы определяем масштабы перемещений населения. Это сосуды, которые перевозили на большие расстояния с целью доставки их содержимого, поэтому один купец со своей прислугой и небольшим количеством компаньонов мог за одну поездку переместить из одного пункта в другой такое количество керамической тары, которое при выпадении в слой в виде черепков дает количество фрагментов, соответствующее сотням рядовых поездок.

Однако именно керамическая тара может значительно более эффективно использоваться при датировке памятников, чем посуда для повседневного использования. Изменения коммерческой (и политической) конъюнктуры приводили к тому, что разным периодам соответствует разный «фон» керамических импортов. Противоречие в оценке одного и того же керамического комплекса и как результата перемещений населения, и как результата хронологических изменений конъюнктуры рынка только кажущееся.

Нестабильность политической ситуации в степной зоне обусловила появление в средние века поселений, существовавших недолго. Даже культуры, представленные многочисленными памятниками, имеют очень узкие даты: салтово-маяцкая – около 150 лет, золотоордынские города – около 70 лет (с немногими исключениями). Этим они выгодно отличаются от памятников Черноморского побережья, где оседлость была более стабильной, и на большинстве памятников представлены перемешанные материалы разных эпох (это легко определить по количеству фрагментов античной керамики, встречающихся в средневековых слоях).

При самом предварительном знакомстве с поселением у Семеновской крепости (как и любым из синхронных) видно, что слой не может относиться к золотоордынскому времени, поскольку на памятнике, расположенном в нескольких часах плавания от Азака, неизбежно должна была бы присутствовать керамика золотоордынского города, если бы они существовали синхронно.

Основной фон керамического импорта: амфоры «трапезундской» (около 35%) группы и группы клейма «SSS» (около 30%). Значительным количеством представлены импортные пифосы двух разных групп. Такое соотношение совершенно не характерно ни для домонгольского времени, ни для золотоордынских городов, в большинстве из которых слой начинает интенсивно формироваться в 1330-х гг. (с незначительными отклонениями в обе стороны). Отчасти столь высокий процент импортной тары объясняется отсутствием массового производства и на этом поселении, и в еще не созданных золотоордынских городах. Но вот столь существенное количество амфор (и других видов изделий) группы клейма «SSS» – результат какой-то особенной конъюнктуры периода (в домонгольское время они соотносятся с «трапезундской» группой не более, чем 1:20).

Главное, что бросается в глаза при подсчете массового материала (стенок сосудов) из раскопок Семеновской крепости – это почти полное отсутствие амфор «триллийской» группы. Во время раскопок 1995–1996 гг. встречено только 2 фрагмента размером с ноготь мизинца (естественно, определение в этом случае вызывает некоторые сомнения). Во время раскопок 1992 г. была найдена по крайней мере 1 ручка этой группы с примесью навоза, причем она имеет значительно более светлый цвет, чем изделия второй половины XII в., и по размеру может быть отнесена к значительно меньшему стандарту объема, чем распространенные в XII в. 13 литров. По имеющимся жалким фрагментам можно лишь сказать, что они наиболее близки к амфорам из кораблекрушения у Нового Света[20].

Кроме того, на материалах древнерусских городов серия наблюдений позволила сделать вывод, что поступление именно этой группы прекратилось приблизительно на рубеже XII–XIII вв.[21] Во время расцвета золотоордынских городов импорт восстанавливается. Произошло это даже раньше, чем началось формирование городских слоев. На двух поселениях, относящихся к той же «культуре», что и Кабарди, но просуществовавших несколько дольше (Куричи и Прорвенский-1) «триллийская» группа представлена весьма устойчиво, хотя и в небольшом количестве. Следовательно, надо искать пару событий, которая могла привести к временному прекращению импорта. Наиболее подходящие – это падение и реставрация Византии (1204–1261).

Часть керамического импорта составляет поливная керамика, большинство групп которой имеет широкую дату бытования. Однако соотношение групп поливной керамики можно считать датирующим признаком. Все они могут быть встречены и в слоях золотоордынских городов, но в значительно меньшем количестве. Наиболее существенно то, что совершенно нет поливной продукции степных городов, хотя есть фрагменты одного неполивного кувшина нижневолжского производства. Следовательно, рассматриваемый комплекс – существенно более ранний.

Звенья эволюционных рядов.

Кроме того, даже при фрагментарности материала, можно сделать определение того, к каким относительным хронологическим фазам относятся амфоры двух самых массовых групп.

Самое позднее звено эволюционного ряда «трапезундской» группы, представленное в древнерусских городах находками предмонгольского времени, имеет очень характерные технологические признаки (рис. 9, 2). Стыковка основных элементов у них приходится на уровень чуть ниже максимального диаметра, так что гладкий «пояс» снаружи приходится на максимальный диаметр. Промеры мерной линейкой изнутри сохраняются, но только ниже уровня стыковки, не затрагивая последний. Для склеивания двух элементов использовался дополнительный жгут изнутри, при размазывании которого образовывалась складка в верхней части стыковочного валика. Эту фазу можно считать последней домонгольской.

Из всей коллекции Семеновской крепости нашелся только один фрагмент со следом мерной линейки изнутри, причем отпечаток сделан по значительно более сухой глине, чем это было принято в домонгольское время. Уровень стыковки элементов – приблизительно тот же, что и на самых поздних образцах с территории Древней Руси, но складка дополнительного жгута глины обращена только вниз от шва (рис. 9, 2). Следовательно, здесь мы имеем дело с более поздней фазой, но, видимо, отстоящей недалеко.

Во время расцвета золотоордынских городов стыковка элементов всегда делалась без дополнительного жгута изнутри (только за счет излишков глины на одном из элементов), на месте максимального диаметра, складки у стыковочного валика не образовывались (рис. 9, 4). Следовательно, время начала формирования слоев золотоордынских городов при Узбеке – это абсолютный верхний предел для Семеновской крепости.

Похожую картину дает группа клейма «SSS». В домонгольское время на территории Руси их немного. Судя по всему, абсолютное их большинство – с округлым или заостренным дном. Самая поздняя с точки зрения эволюции – плоскодонная амфора из Владимира[22]. Она иллюст-

[20] Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1977–99 гг. // Vita antiqua, 1999. – № 2. – С. 227, рис. 8.

[21] *Волков И.В.* Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции. Новгород, 23–25 января 1996 г.). – Новгород, 1996. – Вып. 10. – С. 94–95; *Волков И.В.* О происхождении двух групп средневековых клейменых амфор // Морская торговля в Северном Причерноморье. – К., 2001. – С. 140.

[22] *Волков И.В.* О происхождении двух групп средневековых клейменых амфор... – С. 138, рис. 6,6.

рирует переход к новой технологии формовки. Сосуд вытягивали на круге, как и в предшествующее время, по емкостно-донной программе, на его внутренней стороне хорошо видны вихревые волны, образовывающиеся всегда при уменьшении диаметра сосуда на гончарном круге. Толщина стенок у дна (на круге эта часть была расположена сверху) умышленно оставлена большой. Затем на донную часть налепливали глиняный диск, для прочного соединения которого дно подбивали колотушкой. В результате на внешней стороне плоскости дна, у края, образовались характерные складки подмятой глины. Вогнутость дна здесь также является не результатом срезания с круга струной (есть только заглаживающие следы гончарного ножа), а следствием того же подбивания колотушкой. Все это свидетельствует о том, что совсем недавно произошла смена технологии.

Все амфоры этой группы из Семеновской крепости – исключительно плоскодонные, они сделаны по той же технологии (с долепливанием диска дна), но всегда срезаны с круга ниткой. Можно сделать вывод, что это последующая фаза эволюционного ряда.

В золотоордынских городах Нижнего Поволжья таких амфор просто нет. В Азаке они были выделены совсем недавно (уже после раскопок Семеновской крепости)[23], причем относятся к концу XIII в.

Таким образом, становится очевидным широкий и бесспорный вариант существования поселения (от монгольского завоевания до начала бурного строительства золотоордынских городов при Узбеке). Если ориентироваться на отсутствие амфор «триллийской» группы, то верхний предел должен опуститься приблизительно до 1261 г. В пользу этого свидетельствует и близость эволюционных фаз амфор к домонгольским. Тонкий культурный слой при достаточной плотности ям также свидетельствует о непродолжительности жизни на поселении.

Даже предварительные наблюдения за характером слоя показывают, что прекращение жизни было быстрым, но не стихийным. Абсолютное большинство ям на Семеновской крепости засыпано приблизительно одновременно, т. к. очень много перекрестных склеек фрагментов керамики из разных ям. Приблизительно этому же времени соответствует и засыпание землянки, причем с малым количеством золы в заполнении (не превращена в помойку, а засыпана быстро). Стратиграфия многих ям очень сходна – на нижнюю часть заполнения приходится повышенная концентрация крупных обломков глинобитных очагов и печей из построек. Едва ли это можно связывать с погромом после которого население погибло или бежало. Поэтому стоит рассмотреть синхронные политические события, которые могли привести к запустению этих населенных пунктов (вернее – концентрации оседлой жизни в новых городах).

С одной стороны, приблизительно в это время произошла реставрация Византии, что конечно же могло сказаться на экономических условиях: должны были последовать ограничения в свободе плавания венецианцев в Азовское море. Известно, что в 1262 г. венецианцы из Черного моря пытались бежать на кораблях через проливы, но были захвачены в плен и казнены[24].

Однако, учитывая то, что территория уже была подчинена монголам, следует в первую очередь ориентироваться на те процессы, которые проходили в степи. Здесь бросается в глаза очень близкое совпадение с датой отделения улуса Джучи от Монгольской империи (естественно, это был длительный процесс).

В 1262 г. в городах Северо-Восточной Руси проходит волна вечевых бунтов, которые остались совершенно безнаказанными со стороны Берке, поскольку спровоцировавшая их перепись населения проводилась центральной администрацией империи[25]. Это был самый решительный, но не окончательный этап в процессе отпада улуса. Г.А. Федоров-Давыдов вообще связывал строительство новых золотоордынских городов и перенос экономических центров на новые места именно с освобождением ханов от «опеки» имперской администрации[26], но относил это явление к самому концу XIII в. Видимо, явление было более длительным и многоэтапным.

Вполне резонно полагать, что около 1262 г. кроме пассивных мер, как игнорирование избиения на Руси чиновников из Каракорума, в степ-

[23] *Масловский А.Н.* Работы I Азовского отряда в 1998 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. – Азов, 2000. – Вып. 16. – С. 116–118; *Масловский А.Н.* Раскопки в Азове // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. – Азов, 2002. – Вып. 18. – С. 220, рис. 6,6.

[24] Annali genovesi di Caffaro e de suoi continuatori / A cura di L.T. Belgrano. –Roma, 1926. – T. 4. – P. 48–49.

[25] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). – М.; Л., 1940. – С. 50–53.

[26] *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – С. 75–77; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994. – С. 9.

ной зоне Берке принял и собственные меры, смягчающие конфликт при дележе налогов. Для этого надо было ликвидировать те податные единицы (поселки), которые существовали до разрыва и подлежали обложению, а их население переместить в новые города.

Основы классификации.

Предварительно следует изложить общий подход к классификации керамики. Чтобы избежать рассмотрение огромной историографии, касающейся этого предмета, проведем простое сравнение этнографических и археологических работ о керамике.

Историки, археологи и этнографы обычно находятся в рамках одного факультета, одного музея и т. д. Историков керамика обычно не интересует, а археологи и этнографы изучают ее, но, чаще всего, совершенно разными способами.

Этнографическая и археологическая работы по керамике выглядят очень отлично по композиции, по смысловым акцентам, по тому, под каким углом зрения они рассматривают керамику и керамическое производство. В археологических работах мы чаще всего сталкиваемся со сложными классификационными построениями, касающимися форм сосудов, их назначения, периодически усложненными технологическими характеристиками (часто весьма поверхностными). В результате «дерево» классификации обычно получается весьма сухим, с числовыми или буквенными обозначениями классификационных ячеек.

В этнографических же работах в первую очередь описывают очаги производства, способы подготовки глины, технологические приемы, традиции реализации продукции, фигурируют имена мастеров, а сам ассортимент изделий того или иного очага гончарства обычно укладывается в 1–3 таблицы с наименованиями изделий и указаниями их назначения. Это, естественно, предельно обобщенные наблюдения.

Возникает вопрос – почему, несмотря на общность предмета, исследования в рамках разных дисциплин так отличаются по характеру. Ответ прост: разница происходит в первую очередь из-за разной степени доступности представителям двух дисциплин ответов на самые простые и вместе с тем самые важные вопросы:

1) Сколько мастерских фигурировало в исследуемом центре или регионе?

2) Чем они отличались между собой?

3) Каково происхождение мастеров, работавших в них?

4) Каким мастерам принадлежат те или иные изделия?

5) Как далеко и в каком количестве распространяется продукция из очага гончарства?

Этнограф может легко получить ответы на них, проводя обычное полевое исследование путем опроса. Однако второй из этих вопросов (о том, как отличить продукцию разных мастерских, особенно не по целым изделиям, а по фрагментам) этнографы традиционно обращают меньше внимания, т. к. и без решения этой проблемы им доступны ответы на следующие, более широкие вопросы. Задача археолога намного сложнее, т. к. ему приходится иметь дело только с самими вещами, преимущественно битыми.

В результате и этнографический, и археологический подход оказываются по-своему беззащитными. Читатель этнографической литературы, рассмотрев множество статичных фотографий выполнения отдельных технологических операций, едва ли сможет сказать, какие следы оставляют эти операции на черепках и как отличаются они у разных мастеров. Прочитав подробное описание того, где и как берется глина-сырье, каким образом ее готовят, читатель не получает ни малейшего (или упрощенное, что еще хуже) представления о том, как отличить по составу глины керамику разных очагов гончарства, а внутри очагов – мастеров. И если интуиция и опыт могут позволять самому полевому исследователю отвечать на эти вопросы, то читатели его описания едва ли справятся с ними.

Археолог напротив именно этим вопросам уделяет наибольшее внимание (источник очень неподатлив для ответов на другие), но он слишком часто не может сказать местное изделие или импортное, одним или разными мастерами изготовлены предметы, для чего они были предназначены, как назывались и т. п. Особенно сложна для археолога задача придумать название сосуда, для которого нет специального слова в русском языке. Этнограф узнает эти неизвестные названия сосудов и инструментов от самих гончаров, а археологу приходится самому придумывать символические или неточные названия, или привлекать данные этнографии, не всегда соответствующие изучаемой культуре.

Необходимость создания исчерпывающей классификации подталкивает археолога все имеющиеся предметы поместить в одну из ячеек созданной им же схемы. Но, увы, всегда значительное число находок является для этого

трудным «мусором» – редкие импорты, предметы, требующие специальных формовочных масс и технологии, и опытные экземпляры (последнее случается крайне редко) мутят воду правильных построений. Благодаря этому оказывается, что в одну классификационную ячейку могут попадать предметы совершенно разного происхождения. Даже умозрительно легко предположить, насколько запутанной будет любая классификационная схема, если в нее войдет продукция нескольких центров гончарства с ассортиментом в чем-то сходным, а в чем-то разнообразным. Между тем именно в области морфологической классификации археологами были сделаны значительные успехи, в основном, благодаря применению статистических методов.

В результате археолог пытается ответить на основные вопросы, но у него не хватает для этого источника, а этнограф может на них ответить с помощью опроса и наблюдений, но не объясняет каким образом это отражено в самой керамике, в изделиях.

Идеальным было бы сочетание двух подходов. Мы должны стремиться дать этнографическое описание древнего (или средневекового) керамического производства и керамики, применяя археологические методы классификации. При этом необходимо знание предмета довести до уровня обеих наук, осознавая при этом, что очень часто в находках представлена только мизерная часть продукции какой-либо мастерской.

Можно даже представить себе как заниматься самостоятельным творчеством, и тем не менее приближаться к идеалу вместе со всеми коллегами-соотечественниками. Для этого надо прежде всего представить себе этот идеал. Такой, например, как идеал методики полевых работ: «начать с последней горсти земли, сформировавшей культурный слой или могильник и закончить первой, а находки распределить строго по слоям и комплексам». Или идеал методики склеивания керамики: «Скол должен быть чистым, как будто сосуд только что разбили; а шов с клеем должен выглядеть так же, как и без клея». Как именно каждый археолог-полевик или реставратор будет реализовывать эти принципы – вопрос его индивидуального творчества, важно лишь, чтобы каждый представлял конечную цель.

Для всей керамики, происходящей из раскопок необходимо дать серию определений: место производства, мастерская, вид изделия, время (это одно из самых сложных определений) и т. д. Пути для реализации «идеального» подхода могут быть самыми разными – это почва для индивидуального творчества.

За время собственного опыта систематизации средневековой керамики из раскопок поселений я пришел к следующей схеме членения материала, предполагающей в конечном итоге прийти к «этнографическому» представлению материала.

При классификации используются четыре уровня деления материала. В основу классификации положены группы. В группу объединяется продукция мастерской или родственных мастерских (в том случае, если невозможно выделить устойчивые характерные признаки для каждой из них). При этом вовсе не обязательно, чтобы весь набор технологических признаков внутри группы был единым. Использование разных технологий внутри одной мастерской отражается в распределении изделий по отделам. Например, неполивные и поливные туваки, изготовленные в одной мастерской, будут занимать место в одной группе, но разных отделах. То же самое можно сказать о поливных чашах без орнамента, с подглазурной росписью ангобом, сграффито и т. д.

Третьим уровнем членения являются виды изделий. Вид составляют сосуды, обладающие определенным набором морфологических признаков, связанных с назначением (вне зависимости от того, известно ли нам это назначение). Вид характеризует самые общие стереотипные представления об ассортименте сосудов. Примерами видов являются кувшины, горшки, афтоба, амфоры и т. д. Каждое название единицы ассортимента – это вид, то есть, что ответят этнографу на вопрос: «Какие сосуды вы делаете?»

На нижней ступени систематизации находятся типы, характеризующиеся устойчивой разновидностью технологических и морфологических признаков, а также размеров. Например, один и тот же гончар делает разные кувшины – они составят разные типы.

В результате мы получаем иерархичную классификацию. Каждый тип, естественно, может входить только в один вид, один отдел и одну группу. Однако отделы и виды с одинаковыми названиями могут присутствовать в разных группах, а одинаковые виды, соответственно, в разных группах и отделах. Первое случается, когда разные мастерские владеют общими технологическими приемами (при условии, что мы имеем достаточно отличий для выделения отдельных групп); второе – когда у мастеров разных групп существуют единые представления об ассортименте. Например, такой вид как чаши могли делать в совершенно разных неродствен-

ных мастерских, соответствующих, следовательно, разным группам керамики. Равным образом к разным группам (т. е. к неродственным, и уж во всяком случае, различимым по продукции, мастерским) могут относиться поливные зеленые, поливные желтые, поливные полихромные, неполивные, лощеные и т. п. чаши (т. е. относящиеся к разным отделам), для которых одинаковы перечисленные таксономические наименования отделов, но они все же разные, т. к. относятся к разным группам.

Во многом эта классификационная схема продиктована особенностями самого источника. Всегда первой обязательной задачей изучения керамики для археолога является составление описи коллекции. Эта практическая работа намного эффективнее, чем чтение археологической литературы. Особенно в тех случаях, когда не совсем совершенные условия сдачи коллекции обязывают давать по возможности точные суммарные описания большому количеству фрагментов, которые обладают таким же бесконечным количеством признаков, как и целые сосуды. Фрагменты, составляющие главную и самую объективную часть керамического комплекса любого поселения, не позволяют в большинстве случаев дать типовое определение сосудов. Чаще по фрагментам можно определить отдел и вид, к которому относилось изделие, практически всегда – группу. Обычно для этого бывает достаточно признаков, связанных с составом глины, технологией формовки и обработкой поверхности. Поэтому основной «тактической» единицей при характеристике керамики из раскопок поселений является именно группа. Даже при наличии небольшого фрагмента практически невозможно спутать стенку амфоры «трапезундской» группы со стенкой амфоры, сделанной в Азаке, Солхате, Сарае или любом другом золотоордынском городе. Именно групповые определения позволяют легче всего получать на основе археологического материала историческую информацию о торговле и перемещениях населения. Соотношение разных групп на памятнике может давать наиболее точную дату его существования.

Естественно, я не настаиваю на широком распространении такой классификационной схемы, но членение материала с таким смыслом существует объективно. Объективно существовали мастерские с разными традициями (часть из них – с родственными); мастера владели разными технологическими приемами, не все из которых реализовались в каждом конкретном изделии; у всех производств был определенный ассортимент; наконец, для каждой единицы ассортимента могли быть изделия с устойчивыми разновидностями признаков (типы).

Каждый имеет полную свободу вводить собственные таксономические наименования и понимать под ними все, что ему заблагорассудится. Пусть типами называются сосуды одной формы, но разного размера; отделами – группы предложенной схемы и т. д.[27] Однако оговоренные уровни разделения керамических изделий существуют объективно вне зависимости от того, как мы будем их называть. Хочется только того, чтобы каждый предупреждал, что именно он понимает под используемым им таксономическим наименованием; а также, чтобы каждый осознавал, что ступени классификации должны отражать не интуитивно представляемый уровень похожести предметов, а реальное разделение материала.

Предлагаемая схема приемлема для золотоордынского времени всплеска городской жизни, для турецкого периода в Причерноморье, но едва ли она окажется эффективной при изучении лепной керамики бронзового века. Даже если умозрительно представить себе керамическое производство в золотоордынских городах, то сразу же обнаружатся аномалии, не укладывающиеся в эту схему плавно. Например, известно, что мастерские по производству кашинной керамики (с большим числом сотрудников, но в пределах одной усадьбы) делали и поливную на красной глине, и неполивную. Следовательно, с этнографической точки зрения они относятся к одной группе. Однако общих технологических признаков, как раз и составляющих основу группы, у них нет – сама формовка велась совершенно разными способами. Ни один исследователь не отнесет кашинную и красноглиняную керамику к одной группе (вообще не будет рассматривать их вместе). Следовательно, остается считать, что в одной мастерской производили две разных группы керамики. Почти так же сильно с технологической точки зрения отличалось производство простой кружальной и штампованной керамики.

[27] Единственное, на чем стоит настаивать – это то, чтобы типами назывались самые дробные звенья классификации. Так уж сложилось в отечественной археологической литературе. Поэтому очень неуклюже на общем фоне выглядят определения «тип «Трапезунд» или «тип «Триллия» для амфор: *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси в XIII веке // Древности темного времени. – М., 2003. – С. 364 и др. Это все равно, что назвать типом древнерусские горшки в целом.

При этом технологические характеристики не всегда позволяют отличать керамику из соседних пунктов. И правильное представление о бесконечности возможных вариантов классификации только облегчит отдельным исследователям прогресс в осмыслении керамического материала.

Легко себе представить, насколько длительным и трудоемким будет выделение материала отдельных мастерских из общей массы керамики (дробление легко выделяемых групп на самостоятельные группы). Завершенным это выделение, видимо, не будет никогда. И тем не менее прогресс возможен, но только тогда, когда ясно направление исследований. Наибольшие трудозатраты будут связаны с использованием естественнонаучных методов при определении состава формовочных масс и глазурей. Но далеко не все возможности обычных методов исследования исчерпаны. И для быстрейшего прорыва необходимо учитывать те признаки, которые дадут возможность анализировать материал на глаз.

Основным направлением исследования поливной керамики было изучение декора, причем, как правило, в отрыве от формы. Хотя морфологический анализ занимал некоторое место во многих работах текущего столетия, а иногда рассматривался специально[28], все же необходимо признать, что все более или менее крупные публикации касаются исключительно стиля росписи. Что касается технологии формования, то она обычно вообще остается вне внимания исследователей. Даже в самых значительных работах по керамике поволжских городов Золотой Орды мы сталкиваемся с детальным анализом форм неполивных сосудов, а при характеристике поливных сосудов морфология уходит на второй план по сравнению с орнаментами[29].

Ту группу признаков поливной керамики, которая связана со стилем росписи, исследовали в двух основных направлениях. С одной стороны классифицировали техники нанесения орнаментов (отделы по предлагаемой схеме), с другой – исследовали сами мотивы орнаментов (в разной степени детальности и систематичности).

Первое направление оказалось весьма продуктивным, и самые читаемые и используемые в практической работе исследования имеют именно этот принцип классификации[30].

Потенциальные возможности второго направления весьма велики, но на практике оно сводилось, как правило, только к начальной систематизации и поиску более или менее близких аналогий на синхронных и несинхронных памятниках. Однако вполне понятно, что 3–4 примера аналогичных орнаментов не могут быть доказательствами родства керамических производств. Надежная классификация орнаментов на поливных чашах, позволяющая получать достоверную историческую информацию, возможна только на основе многих тысяч находок из разных регионов, поэтому она не может быть сделана в настоящий момент. Проводить такую работу по публикациям – просто бессмысленно, она обречена на необоснованность. Характер росписи позволит выделить множество локальных и хронологических особенностей, но в том случае, если мы будем работать на уровне штрихов и их сочетаний. Копирование орнаментов всегда было доступным, существовали признаки, которые гончары не считали существенными, их не копировали и не скрывали.

Технологические характеристики, составляющие основу выделения групп, применительно к поливной керамике эффективны меньше обычного (за исключением состава формовочных масс). Поскольку основными видами изделий являются чаши и тарелки на кольцевом поддоне, технологические отличия формовки не очень велики – вся поливная керамика почти в любом регионе связана с высоким уровнем развития технологии, когда сосуд целиком вытягивался на круге из куска глины, а следы скульптурной лепки отсутствуют. Исключения из этого правила очень немногочисленны. Например, на золотоордынских поливных чашах Поволжья изредка встречаются винтообразные трещины на дне, что может свидетельствовать о применении РФК-6 (использовании составного начина). Иногда сосуды находятся на промежуточном этапе РФК-6-7, когда использовали прием

[28] *Buerger J.* Morphological analysis of medieval fine pottery: provenance and trade patterns in the Mediterranean World // Archaeological Approaches to Medieval Europe. Kalamazoo, Mich., 1984, p. 203–222.

[29] *Fyodorov-Davydov G.A.* The culture of the Golden Horde Cities // BAR IS. Vol.198. Oxford, 1984. Ch. IV,V; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские..., гл. 4; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торгшовля. Быт. – М., 2001, гл. 1. – С. 4–202.

[30] *Булатов Н.М.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. – М, 1976 (прототип этой работы: *Дорохова О.Л., Щапова Ю.Л., Федоров-Давыдов Г.А.* Классификация поливной керамики Нового Сарая // Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках 1962 г. на городище Сарай-Берке – столице Золотой Орды. – Архив ИА РАН. Р-1, № 2540); *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские... – 1994. – Гл. 4. – С. 124–137.

состыковки отдельных частей сосуда, вытягиваемых на круге отдельно. На чашах и тарелках это чаще всего заметно по следам примазывания поддона.

И вместе с тем существуют признаки, которые позволяют определять принадлежность поливных чаш к совсем не родственным группам даже в том случае, если декор и форма очень похожи. К таковым в первую очередь относятся следы на частях сосуда, не обращенных к зрителю. Особая ценность этих признаков заключается в том, что они же встречаются и на неполивных сосудах, что позволяет объединять разнородный материал в группы по технологическому родству. При этом самой информативной частью является поддон (и придонная часть вообще). Это вполне естественно, т. к. при легкости копирования импортных форм и орнаментов эта не бросающаяся в глаза деталь сосуда могла меньше подвергаться изменениям.

Есть два основных способа получения кольцевого поддона[31].

1. Сформовать чашу на массивном монолитном поддоне, затем срезать ее с круга, перевернуть, и на круге же вырезать полость кольцевого поддона. При такой последовательности операций внутри поддона обязательно остаются следы от гончарного ножа, ротационные следы от непластичных включений, зацепленных лезвием и смещавшихся по вырезаемой поверхности. Потенциально можно предположить, что полученный таким образом поддон затем заглаживался рукой. След от мокрой руки в таком случае будет скрывать следы от ножа. Другой сопутствующий признак такой технологии – резкое несоответствие толщины дна внутри и снаружи поддона, но он не является обязательным. Вырезание поддонов было наиболее широко распространено в Средней Азии и Закавказье, хотя эта закономерность не является жесткой.

2. Чаша формовалась без поддона с тонким плоским дном, затем ее срезали, переворачивали и наклеивали на дно глиняное кольцо (или более сложную заготовку), становившееся потом кольцевым поддоном в результате дополнительного вытягивания или простого примазывания. В этом случае на поверхности остаются только следы заглаживания мокрой рукой, т. к. в противном случае трудно получить качественный результат. Вероятно, такой способ получения поддона был наиболее характерен для Византии, Малой Азии и стран Балканского полуострова. В золотоордынских городах он также широко практиковался.

Высказанное Л.Л. Полевым мнение о формовке чаш на кольцевых поддонах, начиная с кольца[32], выглядит не совсем реальным, т. к. в этом случае плотность соединения с кругом была бы слишком мала для вытягивания (и даже для скульптурной лепки емкости). Найденные «засохшие куски глиняного теста, по какой-то причине выброшенные в стадии начала формовки кольцевого поддона», должны являться результатом неудачного налепливания в конце формовки чаш.

Далее дается характеристика тех групп поливной керамики, которые встречены на Семеновской крепости. Фактически это комментарии к иллюстрациям, по которым и можно без словесных объяснений получить представление о типах (за малочисленностью находок все «дерево» классификации совсем не обязательно).

При ограниченных возможностях передачи признаков керамики в черно-белом контурно-штриховом изображении пришлось ограничиться минимальным количеством графических приемов. Без всякой штриховки показаны те места на фрагментах сосудов, где есть белый ангоб. Сплошной черной заливкой показаны те места, где глазурь лежит непосредственно на красной глиняной основе. Точечным заполнением показаны участки сколов, те места, где нет глазури на красной глиняной основе, но есть роспись ангобом (для кувшинов на рис. 11, 12) и участки полихромной росписи (только для тарелки на рис. 9, 6). Профили показаны сплошной заливкой, но в тех местах, где в вертикальных изломах поддонов удовлетворительно видно течение формовочной массы, оставлены белые полосы. Во многих случаях надежное определение диаметра по следам ротации на фрагменте было вообще невозможно, тогда давалось плоское изображение фрагмента и его профиль, сориентированный относительно вертикали. Если приблизительное определение диаметра было возможно, то к месту следов ротации, по которым сделано определение, проведена вертикальная линия, а к ней – стрелка с буквой «Д» (в этом случае определение диаметра дано в под-

[31] Есть работа в которой оговорено большее количество, но не на конкретных следах, а умозрительно: Курочкина С.А Классификация керамики Сарай ал-Джедида // Поволжье и сопредельные территории в средние века. – Труды ГИМ. – Вып. – М., 2002.

[32] *Полевой Л.Л.* Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.: По материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешты. – Кишинев, 1969. – С. 115.

писях). При возможности более надежного определения диаметра фрагменты и профиль нарисованы с осью симметрии, как часть целого сосуда. Сами фрагменты изображены в зависимости от удобства рисования плоско или в проекции, читатель легко может определить, какой способ избран по соотношению длины фрагмента и его профиля. Размер фрагментов позволяет представить степень надежности реконструкций.

Группа 1, подгруппа 1. Основная и самая многочисленная (146 фрагментов). Представлена исключительно чашами на кольцевых поддонах с сегментовидной полостью (угол между внешней плоскостью дна и поддоном очень сглаженный). Утверждение В.Ю. Коваля о том, что такие поддоны «вырезаны из глиняного цилиндра»[33] едва ли основано на каких-то наблюдениях. Следы гончарного ножа на поверхности полости не замечены ни разу, всегда есть только следы заглаживания мокрой рукой. Заглаживание внешней поверхности с помощью ножа все же допускалось, но только в придонной части за пределами поддона. Формовочная масса – красно-оранжевого цвета, с большим количеством слюды. По составу она ближе всего к амфорам «трапезундской» группы, но фракции примесей значительно мельче. Строго говоря, минеральные примеси не видны невооруженным взглядом, только по шероховатости поверхности легко установить наличие зерен меньше 0,1 мм в поперечнике. Потеков ангоба не внешней стороне очень мало, но почти на каждом сосуде есть отдельные брызги и отпечатки пальцев, свидетельствующие о том, что сосуд держали в руках, испачканных белым ангобом.

Полива – интенсивного желтого цвета, хорошей прозрачности, с четкими трещинами мелкого цека (расстояние между ними редко превышает 2 мм). У поливы может быть едва заметная рябоватость, при этом участки с более интенсивной окраской ориентированы по вертикали. Попались только 2 фрагмента с зеленой поливой и 7 со светло-зеленой. У них существенных колебаний окраски нет.

Орнаментация ограничена. На внутренней стороне – гравированные концентрические окружности и волна. Отклонения единичны. В одном случае это радиально расположенная волна, отходящая от пары концентрических окружностей (рис. 14, 1). В другом случае это пучки неправильных волнистых линий, отходящие из центра, причем гравировка сделана двузубым резцом (рис. 10, 1). На четырех мелких фрагментах орнамент состоит из отдельных дуг, но ни один штрих не сохранился полностью, поэтому об изображении судить невозможно (рис. 10, 4; 13, 11; 14, 9, 16). На внешней стороне, если венчик вертикально отогнут, может быть волна, нанесенная ангобом (рис. 11, 2–5; 12, 1; 13, 3, 8, 13) или гравированная волна (рис. 14, 4).

Аналогии чашам этой группы известны повсеместно в Причерноморье и сопредельных территориях, хотя по публикациям в большинстве случаев нельзя сказать, насколько едины субстратные технологические признаки.

Производство керамики этой группы достоверно продолжало развиваться и в XIV в.[34], но орнаменты были усложнены, а относительное количество фрагментов на золотоордынских памятниках меньше на два порядка (в первую очередь, за счет обилия местной поливной керамики и ближайшей импортной). Часто использующееся определение «Zeuxippus ware» (класс IB) нельзя признать удачным. Прежде всего, потому, что в эпонимной публикации[35] под этим названием скрываются совершенно разнородные вещи: даже по представленным иллюстрациям видно, что они относятся к разным технологическим школам.

Сходство рассматриваемой керамики с амфорами «трапезундской» группы, на мой взгляд, на текущий момент – самый веский аргумент против версии их (как и амфор) происхождения из Трапезундской империи. Строится это на умозрительном положении. Если происхождение амфор надо связывать, в первую очередь, с происхождением основного товара для расфасовки в них, то происхождение поливной керамики, еще не массовой в это время, надо связывать, главным образом, с местами концентрации ее состоятельных потребителей. Следовательно, район Константинополя подходит для этого больше, чем район Трапезунда. Здесь была значительно больше общая численность населения, концентрировалась верхушка светской и церковной иерархии. Встречаемость такой керамики за проливами, хотя и небольшая, также может свидетельствовать о ее происхождении не из Причерноморья, по крайней мере, – не из Трапезундской империи.

[33] *Коваль В.Ю.* Указ. соч. – С. 368.

[34] *Белинский И.В., Масловский А.Н.* Импортная поливная керамика Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. г. Ялта, 25–29 мая 1998 г.: Тезисы докладов. – Симферополь, 1998. – С. 33, 35, рис. 4, 2.

[35] *Megow A.H.S.* Zeuxippus ware // Annual of the British school of archaeology at Athens. – L., 1968. – № 63. – P. 71 (et passim).

Аргументом против этого аргумента становится датировка. Вероятность возникновения этой группы керамики до 1204 г. близка к нулю. Следовательно, производство стало бурно развиваться во время латинского владычества в Константинополе. Такая ситуация не выглядит очень вероятной.

Подгруппа 2. Явно родственна предыдущей, но имеет отличия по составу формовочной массы (в том числе плотности) и характеру обработки поверхности (50 фрагментов). Вариаций признаков здесь много, поэтому в одну подгруппу находки объединены достаточно условно, а в реальности их должно быть больше. На одном фрагменте (рис. 17, 11) – явные признаки налепливания поддона. В формовочных массах слюды существенно меньше (приблизительно в 5 раз), есть мизерная естественная примесь извести. Слабо ориентированные по траектории ротации поры могут достигать 5% поверхности скола. Глазурь менее прозрачная, часто не имеет цека. На внешней неглазурованной поверхности в абсолютном большинстве случаев – очень тонкое сплошное покрытие белым ангобом. (Оно также может быть результатом выплавления на поверхность естественных солей или использования соленой воды при замесе). Единичные отличия в орнаментике: применение невыразительной росписи ангобом (1 фрагмент, рис. 17, 3), использование многозубого резца для гравировки (рис. 16, 5; 18, 2).

Подгруппа 3. Очень немногочисленна (4 фрагмента, рис. 14, 11–13), но родственна предыдущим. Чаши очень тонкостенные, из глины зернистой структуры с порами, в местах которых образовывались пузырьки в ангобе. В глине также присутствуют округлые зерна железистого минерала.

Подгруппа 4. Возможно, составляет отдельную группу. Представлена только кувшинами (27 фрагментов, рис. 20). Технологические признаки общие (РФК-7), но в силу особенностей вида изделия не имеют кольцевого поддона, хотя донъев найдено всего 2, оба срезаны с круга ниткой. Формовочная масса ярко-красного цвета с незначительной естественной примесью железистого минерала похожего на магнетит. Зерна приблизительно округлые, до 3 мм в поперечнике. Также вероятна примесь глиняного концентрата, но его зерна видны не в изломе, а преимущественно на внутренней поверхности, в тех местах, где проходило сужение полого тела на круге. Естественная примесь мелкого песка делает поверхность шероховатой. Применялась только желтая полива интенсивного цвета. Единственный и обязательный способ декора – вертикальные полосы белого ангоба под поливой. Судя по единственному иллюстрирующему фрагменту, при налепливании нижнего корня ручки дополнительный жгут изнутри не применялся. Мне известно немного аналогий, все они связаны с Причерноморьем[36].

Подгруппа 5. По декору и размерам аналогичны предыдущей, но отличаются по составу формовочной массы (14 фрагментов, рис. 21). В первую очередь бросается в глаза большая толщина стенок. Внутренняя поверхность гладкая (видны следы мокрой руки, но нет шероховатости от мелкого песка).

Малочисленность остальных групп такова, что количественную их представленность нельзя распространять на комплекс в целом, поскольку каждая группа представлена фрагментами одного-двух сосудов. Следовательно велика вероятность случайности. Также находок слишком мало для обоснованного объединения нескольких в одну группу и связи с неполивной керамикой.

Группа 2, Юго-Восточный Крым. Найдено всего 3 фрагмента кувшина (вероятно, одного) с зеленой поливой (рис. 15, 2А, Б). (На фрагменте дна – только капельки поливы внутри). По всему набору технологических признаков предметы соответствуют продукции, выпускавшейся в XIV в. Поскольку венчик найден в 5 штыке заполнения ямы, попадание его в слой не случайно. Следовательно, мы имеем ценное свидетельство того, что в каком-то небольшом количестве где-то в Крыму существовало производство поливной керамики уже в это время.

Группа 3. Представлена фрагментами одного кувшина (6 шт., рис. 15, 1), из которых 1 найден в 5 штыке заполнения ямы, а остальные – в первом штыке слоя. Глина кирпично-красная, с большим количеством примесей – округлыми зернами железистого минерала, песком размером до 0,5 мм, мелким шамотом. Поры отчасти связаны с добавлением органики. Слой ангоба очень тонкий, без признаков стекания каплями (только снаружи), с контрастными следами ротации на не покрытых поливой участках. Из-за тонкости слоя ангоба полива – интенсивного темно-зеленого цвета.

Группа 4. Полихромная тарелка сграффито представлена 9 фрагментами (рис. 18, 6). Именно к ней должны относиться фрагменты из раскопок

[36] Например: Сводный отчет о раскопках объединенной экспедиции в Херсонесе в 1963–1964 гг. // АДСВ, 1971. – Вып. 7. – С. 38.

1992 г.[37] Слой ангоба толстый, основная кроющая полива – светло-желтая с зеленоватым оттенком, а на наружной поверхности – светло-зеленая, расцветка – зеленым и желто-коричневым. В глине большое количество слабо ориентированных пор. Внешняя поверхность выветрена, что не позволяет судить об обработке поверхности, но в этом случае видна добавка большого (до 1/10) количества округлых зерен шамота (?) размером до 0,3 мм.

Широко известны близкие аналогии (не только по технике нанесения орнамента, но и по форме и росписи)[38].

Группа 5. Представлена только одной тарелкой с зеленой не совсем прозрачной поливой (14 фрагментов) из пористой глины (рис. 19, 1). Поддон вырезной, с выступающим валиком в верхней части снаружи.

Группа 6. Желтая сграффито из глины с ориентированными порами от органики (рис. 19, 3). Поддон налепной, но сделан из цилиндрической заготовки: его внутренний контур плавный, но не настолько, насколько у основной группы, а край – выразительно уплощенный. В центре чаши было выгравировано сюжетное изображения, от которого сохранились птица и лоза. При гравировке использованы 2 резца разной толщины. По составу формовочной массы эта чаша больше всего напоминает амфоры «триллийской» группы. Судя по сложной манере изображения, этот очаг производства имел более длительную традицию изготовления поливной керамики, чем у «основной» группы.

Группа 8. Фрагменты чаши, сильно пострадавшей от огня, с зеленой поливой и двумя гравированными линиями по венчику изнутри (7 фрагментов, рис. 18, 4). На внешней поверхности хорошо видны следы заглаживания гончарным ножом. Использован очень густой ангоб, стекавший снаружи толстыми каплями. Формовочная масса по составу также напоминает амфоры «триллийской» группы.

Группа 9. Фрагмент чаши со светло-желтой поливой изнутри и зеленой снаружи (рис. 19, 2). На внутренней поверхности тонким резцом награвирован «растительный» орнамент. Формовочная масса – с ориентированными порами и мелким шамотом.

Группа 10. Фрагмент чаши с толстым слоем ангоба без росписи (рис. 18, 5). Светло-зеленая (?) полива почти полностью выветрена. Формовочная масса с примесью песка до 0,5 мм и округлыми порами.

Рассмотренный комплекс невелик, но достаточно показателен. Он характеризует очень короткий период бытования предметов. В сравнении с другими приблизительно синхронными это поселение имеет более выразительный пик по соотношению групп импортной керамики, в том числе и поливной. По мере увеличения материалов раскопок возможно будет детализировать хронологию XIII в.

I.V. Volkov

The Glazed ceramics from Kabardi complex (1240–1260)

The collection of the glazed pottery received as a result of excavation of medieval settlement at the territory of the Semenov fortress during 1995-1996 is published. This complex is significant enough, characterizes very short period subject's existing and allows to receive their detailed chronology for XIII century.

[37] *Ларенок В.А.* Указ. соч. – С. 134, рис. 1, 4.

[38] *Коваль В.Ю.* Керамика Востока... – С. 364, 366, рис. 2, 4.

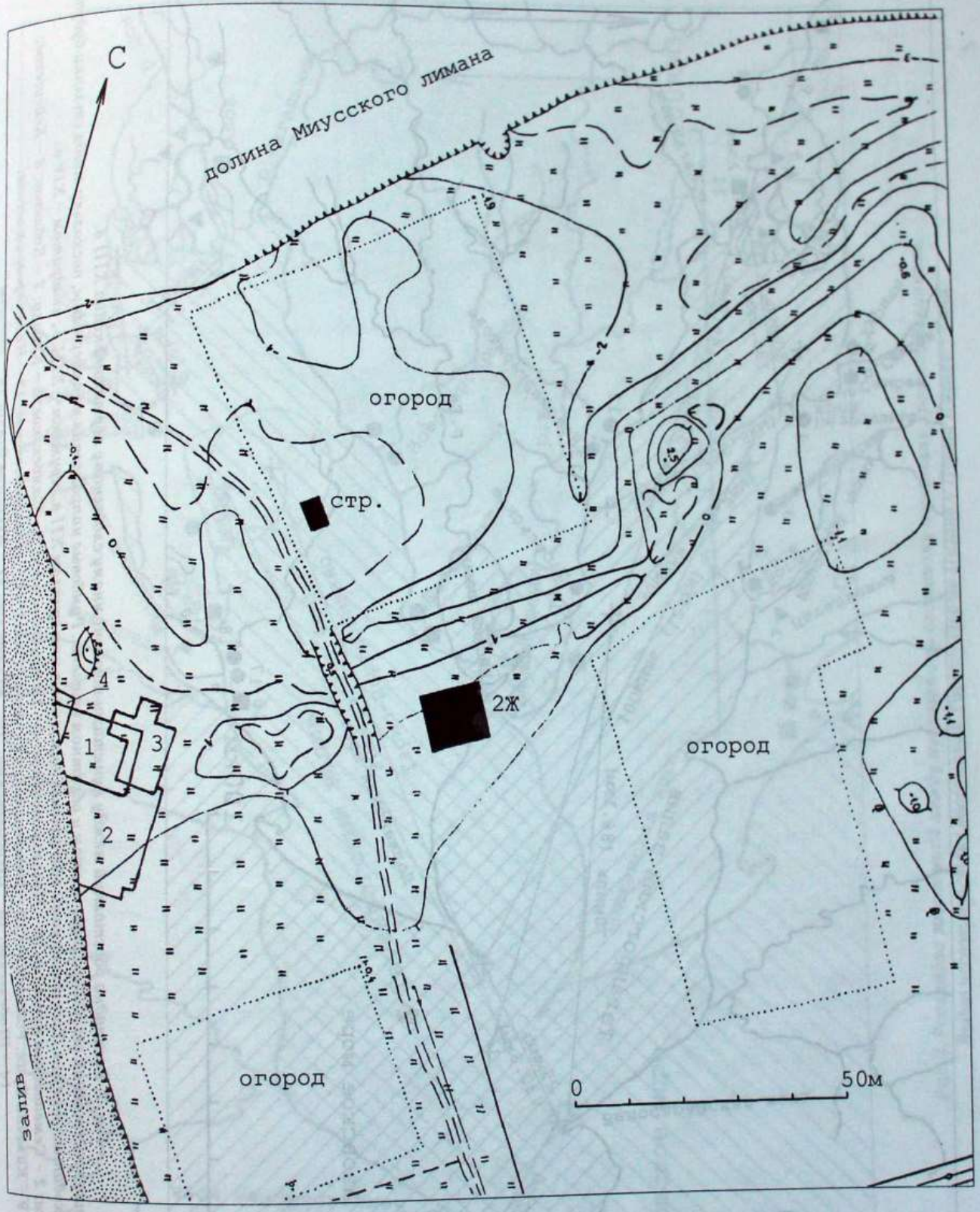

Рис. 1. План северной части Семеновской крепости с расположением раскопов.
1 – раскоп 1996 г.; 2 – раскоп 1995 г.; 3 – раскоп IV 1992 г.; 4 – раскоп II 1992 г.

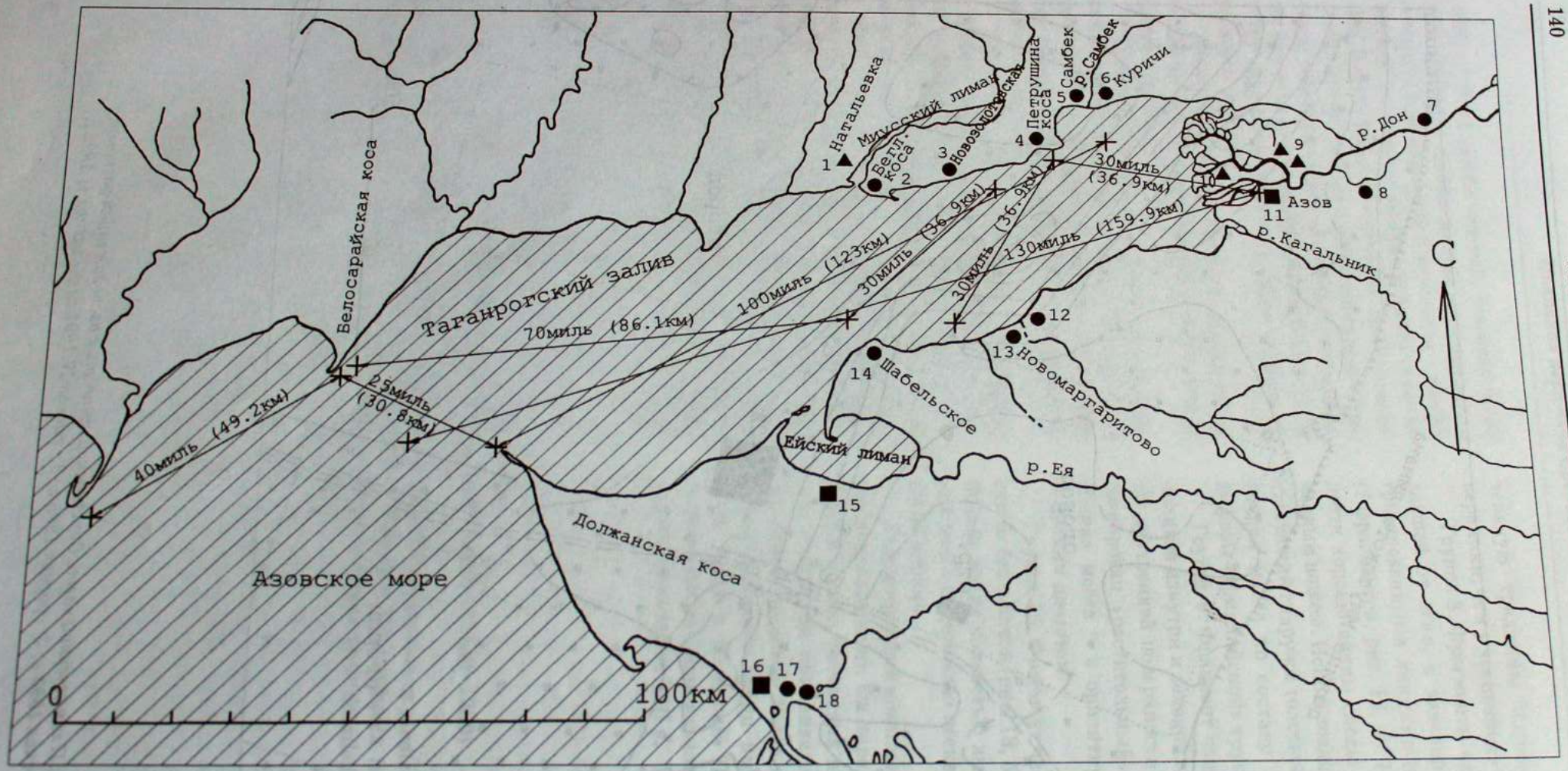

Рис. 2. Раскладка расстояний между пунктами по анонимному словесному портолану конца XIII в.
Видно несоответствие расстояний от Кабарди при прямом и обратном отсчете. Румбовые направления не выдержаны, поскольку тогда стоянки будут находиться на суше. Треугольниками обозначены поселения с материалом XII в., кружком – XIII в., квадратом – XIV в.
1 – Наталъевка; 2 – Семеновская крепость; 3 – Новозолотовское; 4 – Петрушина коса; 5 – Самбекское; 5 – Куричи; 7 – Кобяково; 8 – Койсугское; 9 – Казачий Ерик, Рогожкино; 10 – Петровский; 11 – Азов (Тана); 12 – Маргаритовское; 13 – Новомаргаритовское; 14 – Шабельское; 15 – Щербиновский; 16 – Шиловское; 17 – Ясенская балка; 18 – Кагаты

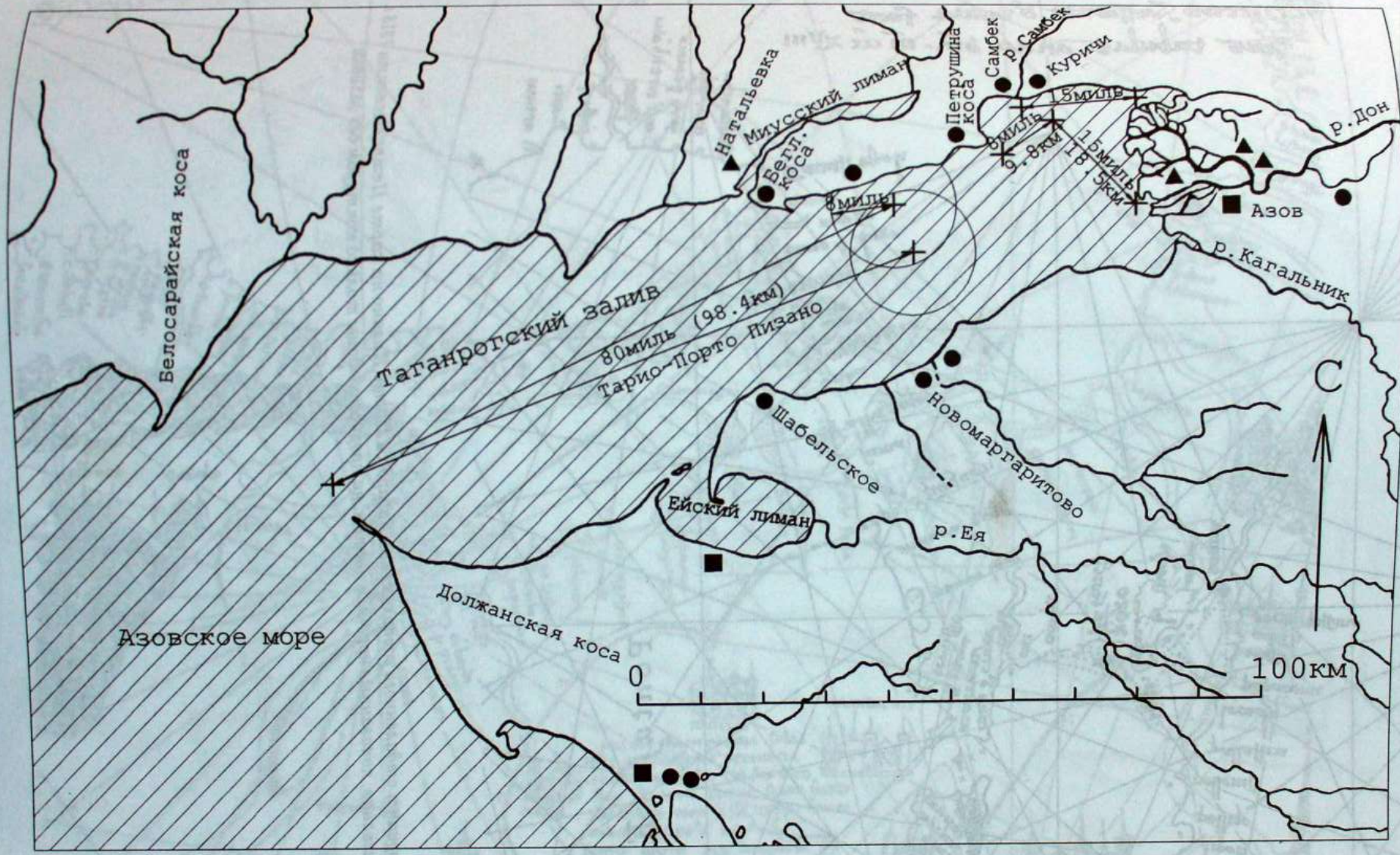

Рис. 3. Раскладка расстояний между пунктами по словесному портолану Грациозо Бенинказы. Видно несоответствие расстояний Тарио – Порто Пизано и Порто-Пизано – Тана

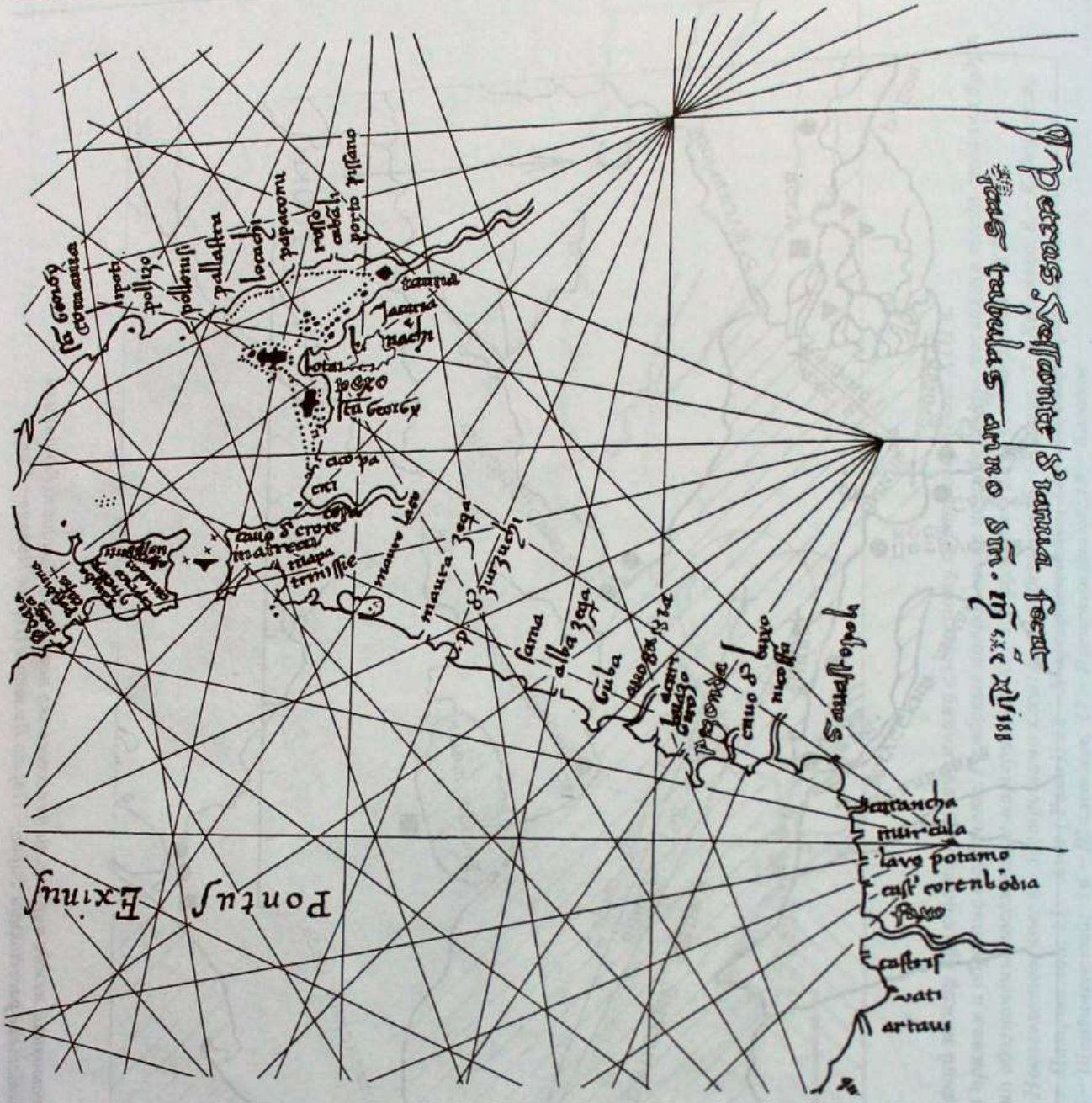

Рис. 4. Вариант отдаленного расположения Кабарди и Порто Пизано на карте Петро Весконти 1318 г. Названия, показанные красным цветом, на прорисовке даны только контуром без заливки

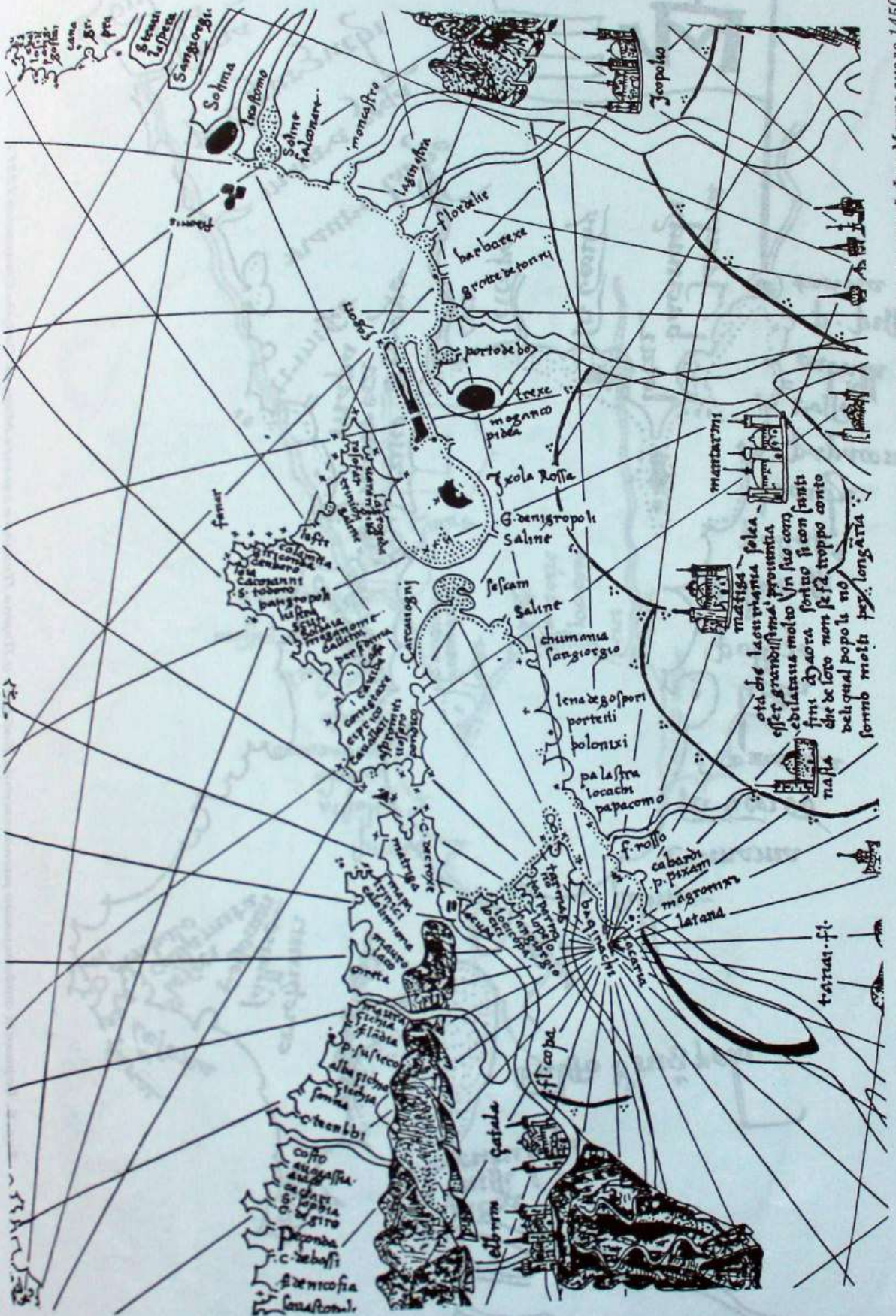

Рис. 5. Вариант близкого расположения Кабарди и Порто Пизано на карте каталонского стиля, составленной в мастерской Фра Мауро около 1450 г. (Almagia R. Planisperi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII esistenti nella Biblioteca Apostolica/monumenta Cartographica Vaticana. Vol. I. Citta del Vaticano. 1944, tav. XIII.)

Рис. 6. Вариант отдаленного расположения Кабарди и Порто Пизано в атласе Марино Санудо Старшего 1321 г.

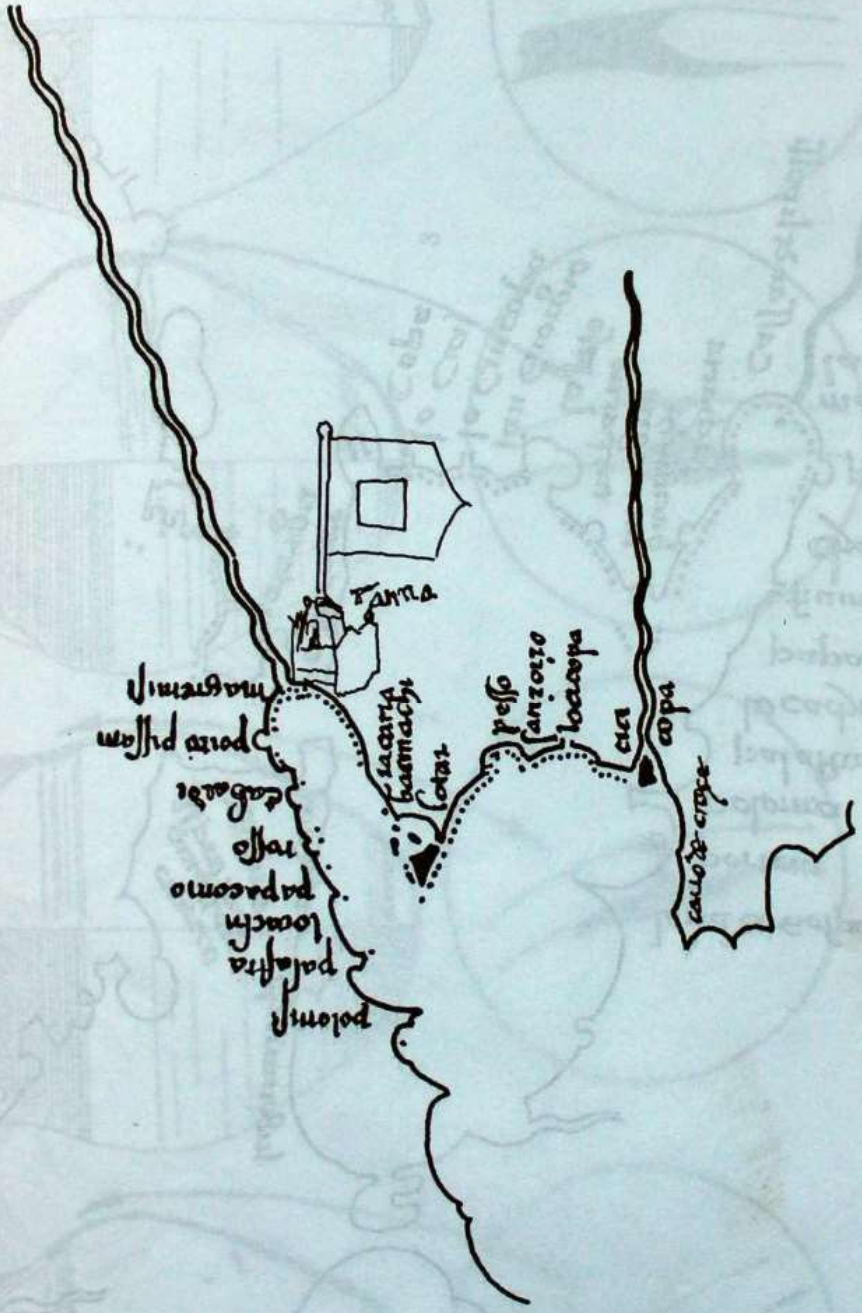

Рис. 7. Вариант отдаленного расположения Кабарди и Порто Пизано на карте Анджелино Дальорто 1325/1330 г.

Рис. 8. Вариант «усредненного» расположения Кабарди и Порто Пизано в атласе Граццозо Бенинказы 1469 г.

Рис. 9. Схема позиции амфор «трапезундской» группы из Семеновской крепости в эволюционном ряду.
1 – схема формовки второй половины XII в.; 2 – схема формовки последней предмонгольской фазы из древнерусских городов;
3 – схема формовки для «Комплекса Кабарди»; 4 – схема формовки времени расцвета золотоордынских городов

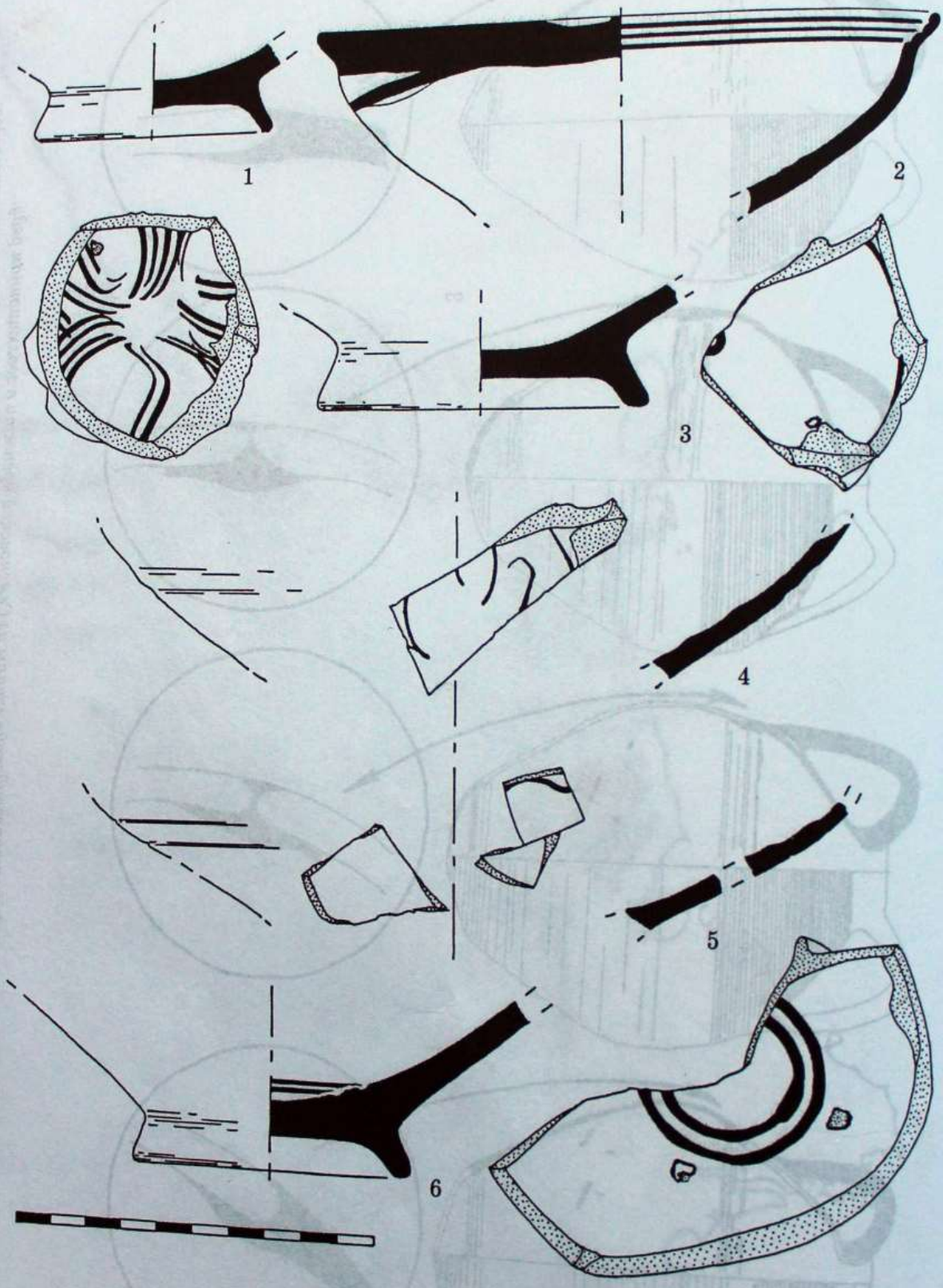

Рис. 10. Основная группа (из ям; кроме № 1 – желтая).
1 – кв. 1, яма 10, сл. 1, № 180 (с яркой зеленой поливой); 2 – Я. 10/2 (11 ф.) + Я. 10/3 (10 ф.) + Я. 10/4 (4 ф.) + 2/4AIV (1 ф.), реконструкция по 4 склеенным блокам и 4 фрагментам; 3 – Я. 10/2; 4 – Я. 103 + Я. 10/4 (склеены); 5 – Я. 10/2 (2 ф., склеены) + 10/2; 6 – Я. 13/1/кв. 6

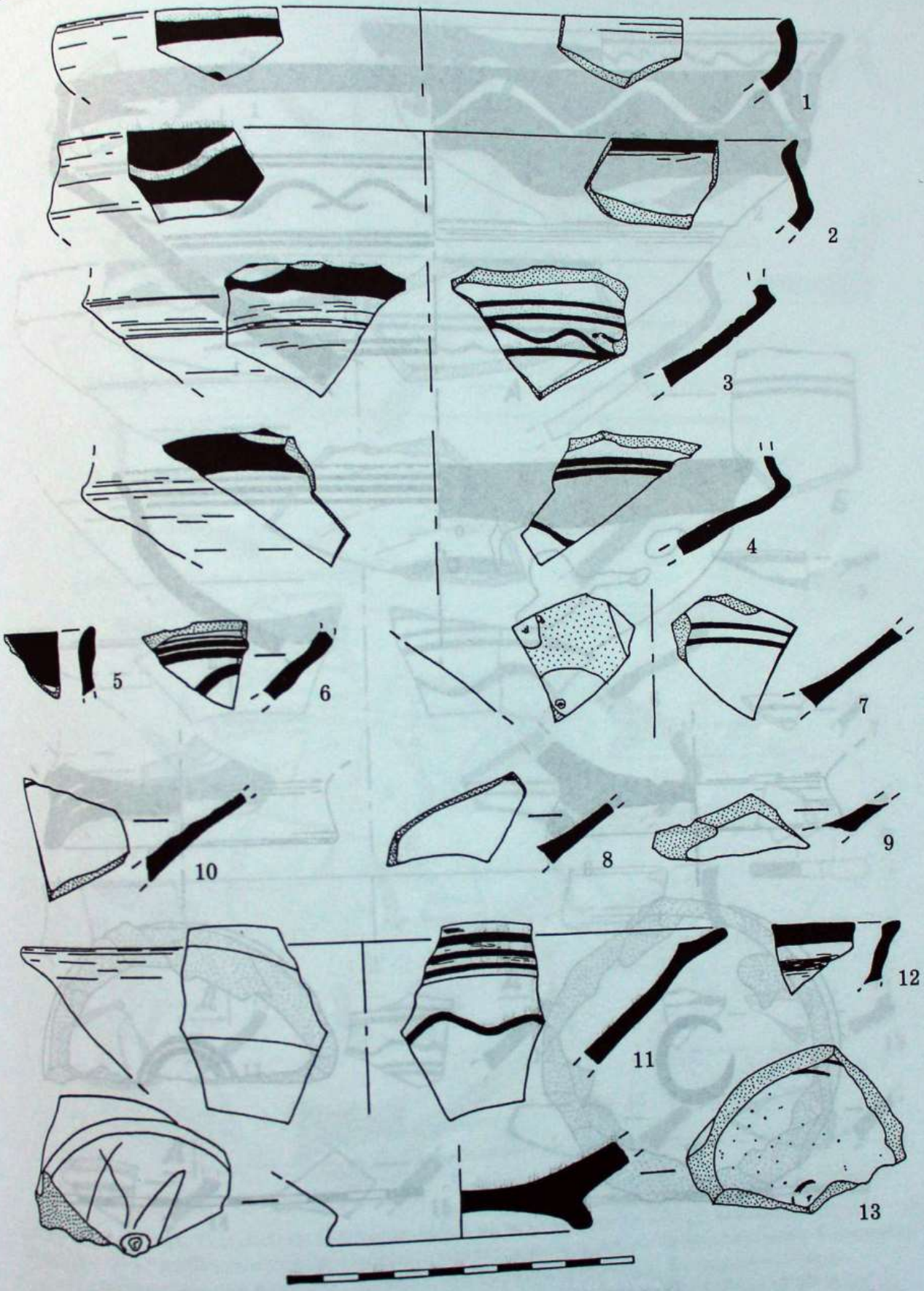

Рис. 11. Основная группа (из ям, только желтая).
1 – Я. 13/2/9; 2 – Я. 13/1/6; 3 – Я. 13/3/7; 4 – Я. 13/4/10; 5 – Я. 13/3; 6 – Я. 13/5;
7 (7–9 – от одной чаши) – Я. 13/2/9; 8 – Я. 13/2; 9 – Я. 13/2; 10 – Я. 14/2; 11 – Я. 14/1/11;
12 – 2/11АIII = Я. 14; 13 – Я. 14/1/11

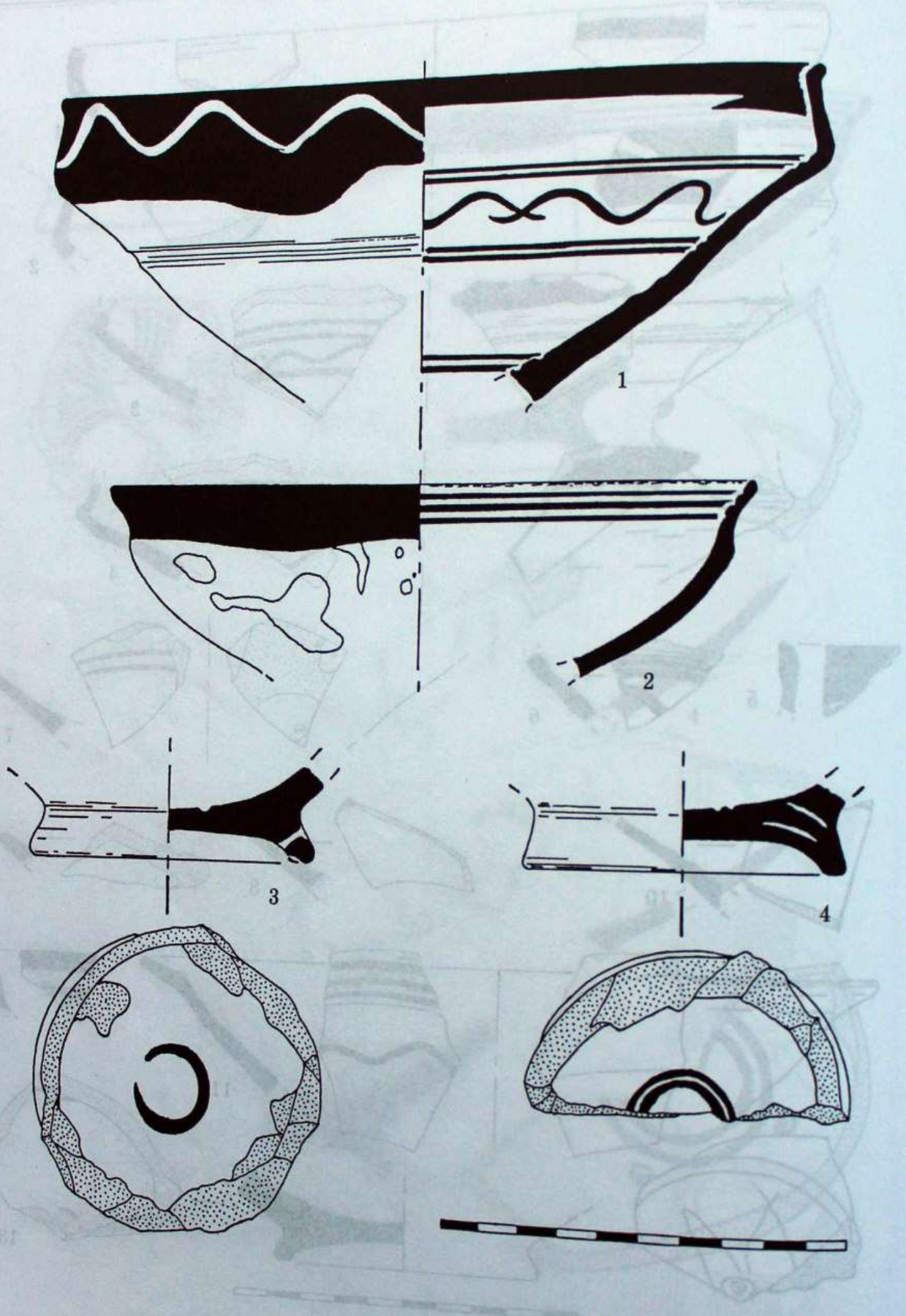

Рис. 12. Основная группа (из ям, только желтая).
1 – развал из Я.23 и около нее, 5 блоков и 9 отдельных фрагментов: Я. 23/1 (6 ф.) + Я. 23/2 (11 ф.) + Я. 23/3 (3 ф.) + Я. 23/4 (1 ф.) + Я. 23 (5 ф.) + 2/21AIII + 2/22B + 4/25BIV + (вероятно, к этой же чаше относятся фрагменты из Я. 7); 2 – Я.23/1 (3 ф.) + Я. 23/2 (2 ф.); 3 – Я. 23/1/25 бровка; 4 – Я. 23/2/24АБ

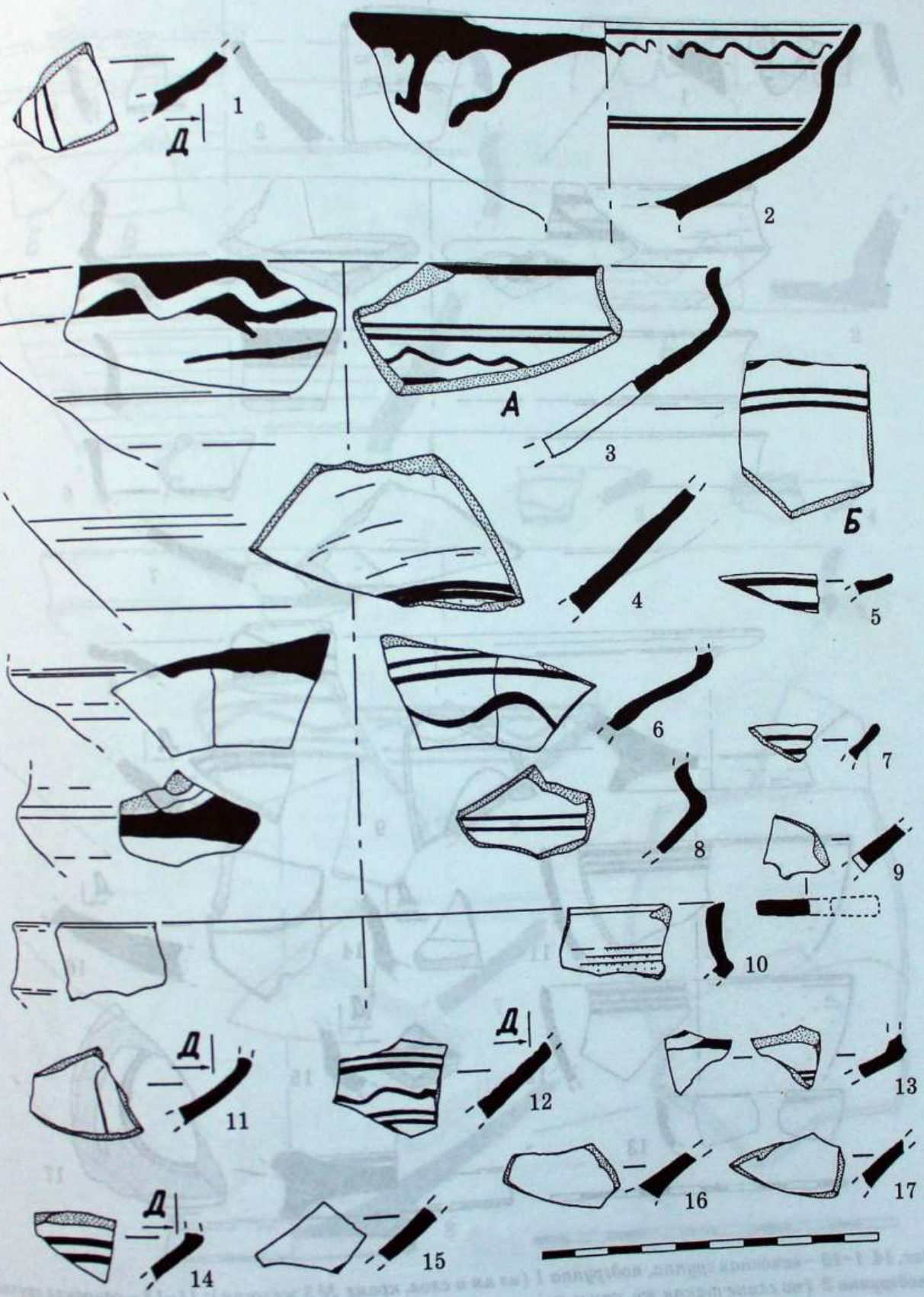

Рис. 13. Основная группа (из ям, только желтая).

1 – Я.21 (Д – около 16 см); 2 – Я. 23, развал печи + 1/22ВI + Я. 18А/1/12; 3 – реконструкция по 3 фрагментам, А – Я. 23/2/24АБ (2 ф.), Б – Я. 23, кладка печи; 4 – Я. 23/1/24ГI; 5 – Я. 24АII = Я. 23; 6 – Я. 23 (2 ф.); 7 – Я. 23/2; 8 – Я. 23/3/21; 9 – фрагмент пряслица из стенки поливной тарелки и реконструкция его сечения, 2/21ВI; 10 – Я. 23/1/24ГI; 11 – 2/28ГIV (Д – около 18 см); 12 – 2/21ВI (Д – около 18 см); 13 – Я. 23/1–2; 14 – Я.23/2/24АБ (Д – около 17 см); 15 – 3/24АII; 16 (16, 17 – вероятно, от одной чаши) – Я. 23//24АБ, вспомогательная бровка; 17 – Я. 23/1/24ВГ

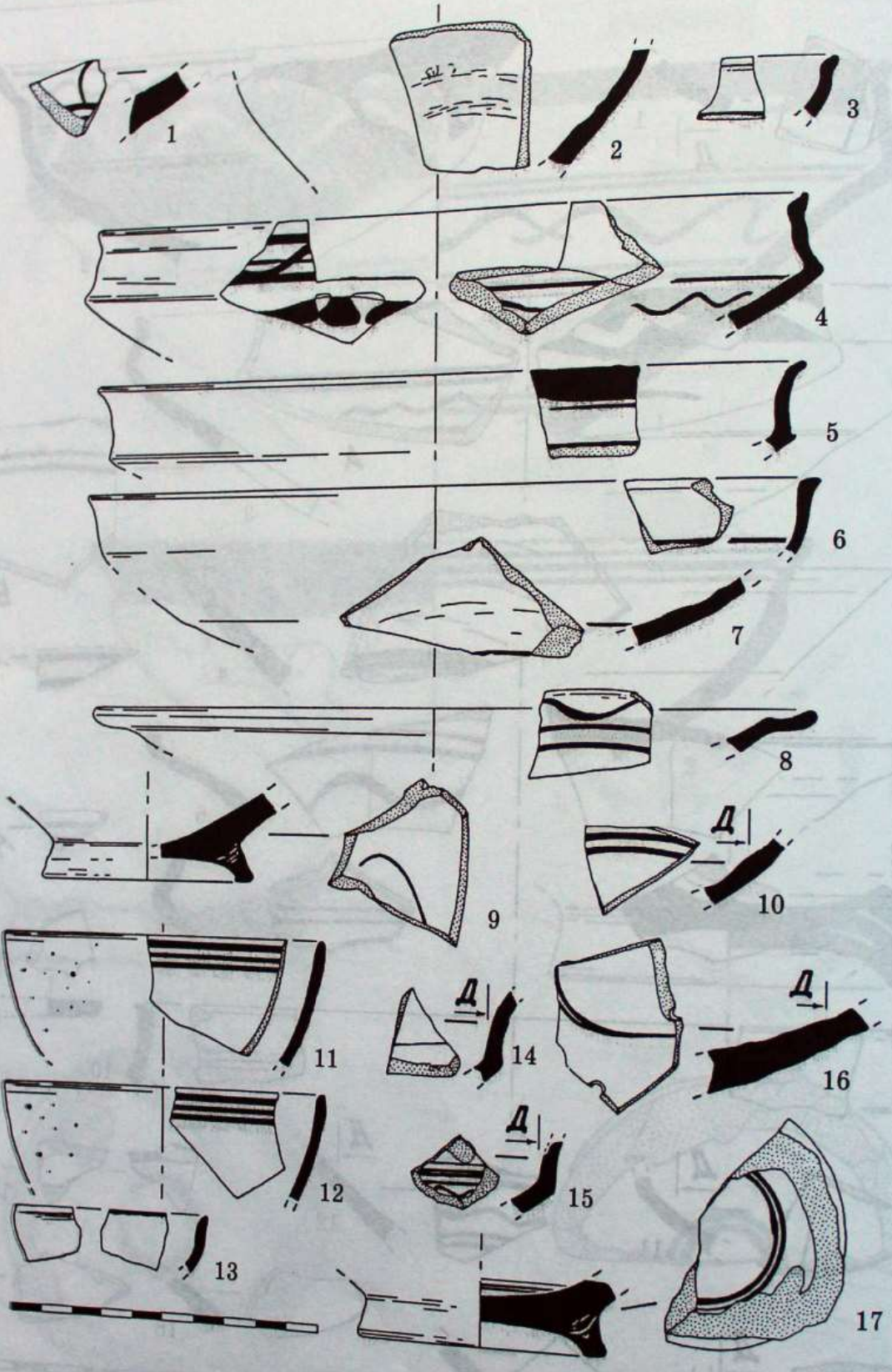

Рис. 14. 1–10 – основная группа, подгруппа 1 (из ям и слоя, кроме №3 желтая); 11–13 – основная группа, подгруппа 3 (по глине такая же, как и тонкостенные кувшины с росписью ангобом); 14–17 – основная группа, подгруппа 2 (с пористой формовочной массой и ангобом на внешней стороне).
1 – Я. 22/2/24АБ; 2 – Я. 24/2/31ВII; 3 – Я. 24/2 (светло-желтая полива, почти оливковая); 4 – 1/21ВI №11 + 1/20ВII № 12 (2 ф.); 5 – 2/23ГII №15; 6 – 2/15АII №127; 7 – 2/3ГIV № 3; 8 – 2/24 южная бровка; 9 – 3/24БI № 178; 10 – 1/23АIV (Д – около 16 см); 11 (11, 12 – вероятно, одна чаша) – Я. 29/2 (2 ф.); 12 – 3/29ГII (2 ф.); 13 – 1/11 (светло-желтая полива с зеленоватым оттенком); 14 – 2/20ГIV № 10 (Д – около 17 см); 15 – 1/10 (Д – около 20 см; 16 – 2/4БIV = Я. 11 (Д – около 26 см); 17 – 1/8

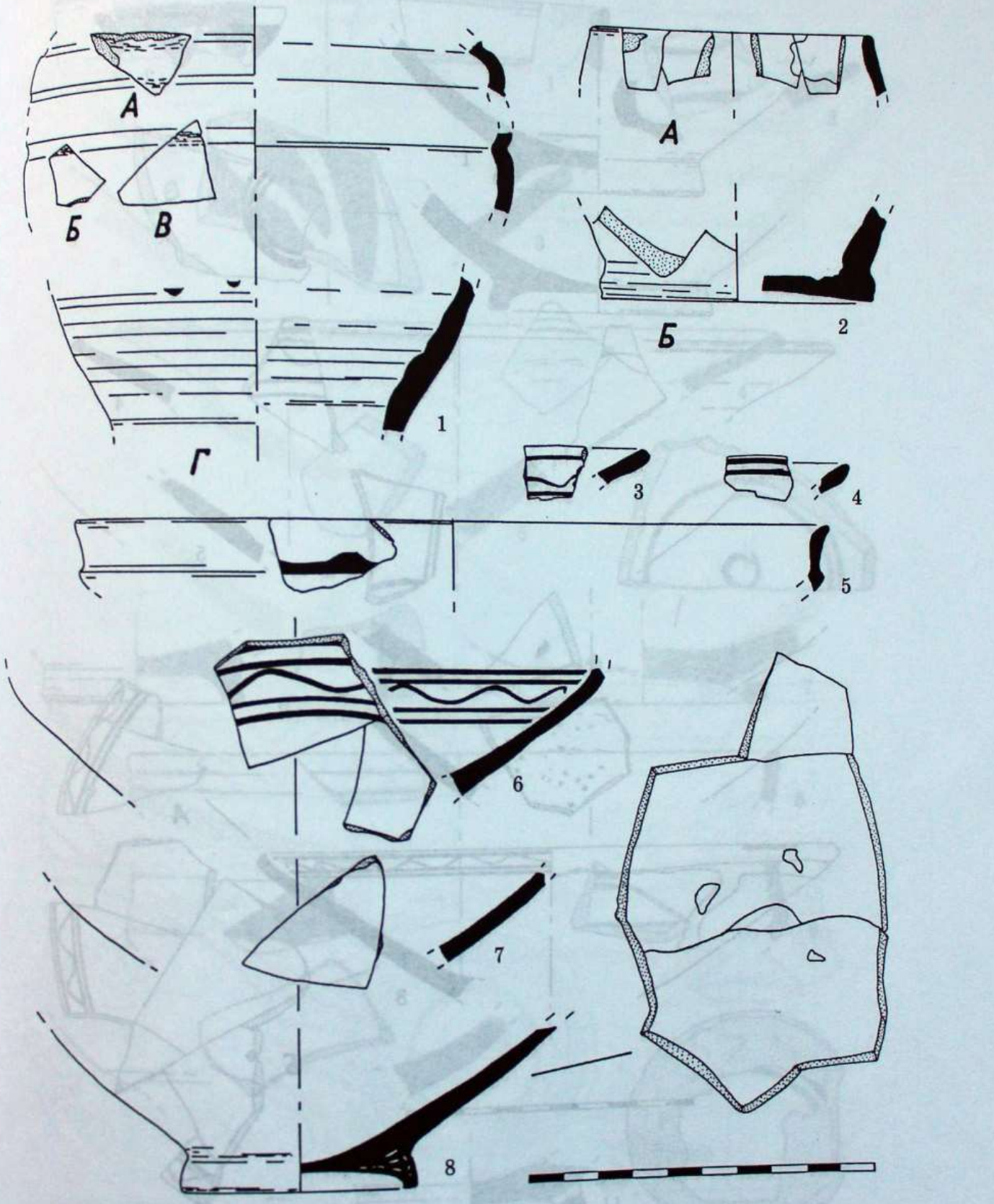

Рис. 15. Разные группы только с зеленой или светло-зеленой поливой.
1 – кувшин с поливной интенсивного зеленого цвета со следами ротации на ангобе ниже слоя поливы; 2 – кувшин группы Юго-Восточного Крыма (предположительно, подгруппа Каффы);. 3–8 – основная группа (из ям и слоя, № № 4–8 – со светло-зеленой поливой). 1А – 1/4, 1Б – 1/4, 1В – 1/4, 1Г – 1/4 + 1/5 + Я. 13/5 (всего 6 ф.). 2А – Я. 14/5 + Я. 23/2, 2Б – 2/8БIII № 101. 3 – Я. 23/2/24АБ (интенсивная зеленая полива); 4 – 2/24ВIII; 5 – Я. 23/2/24АБ; 6 – 2/25БIV № 151 (2 ф.) + Я. 23/1–2/24АБ (всего 3 ф.); 7 – Я. 13/2/9; 8 – 1/4 + 2/8БIII № 100 + 2/8 № 215 (всего 3 ф.)

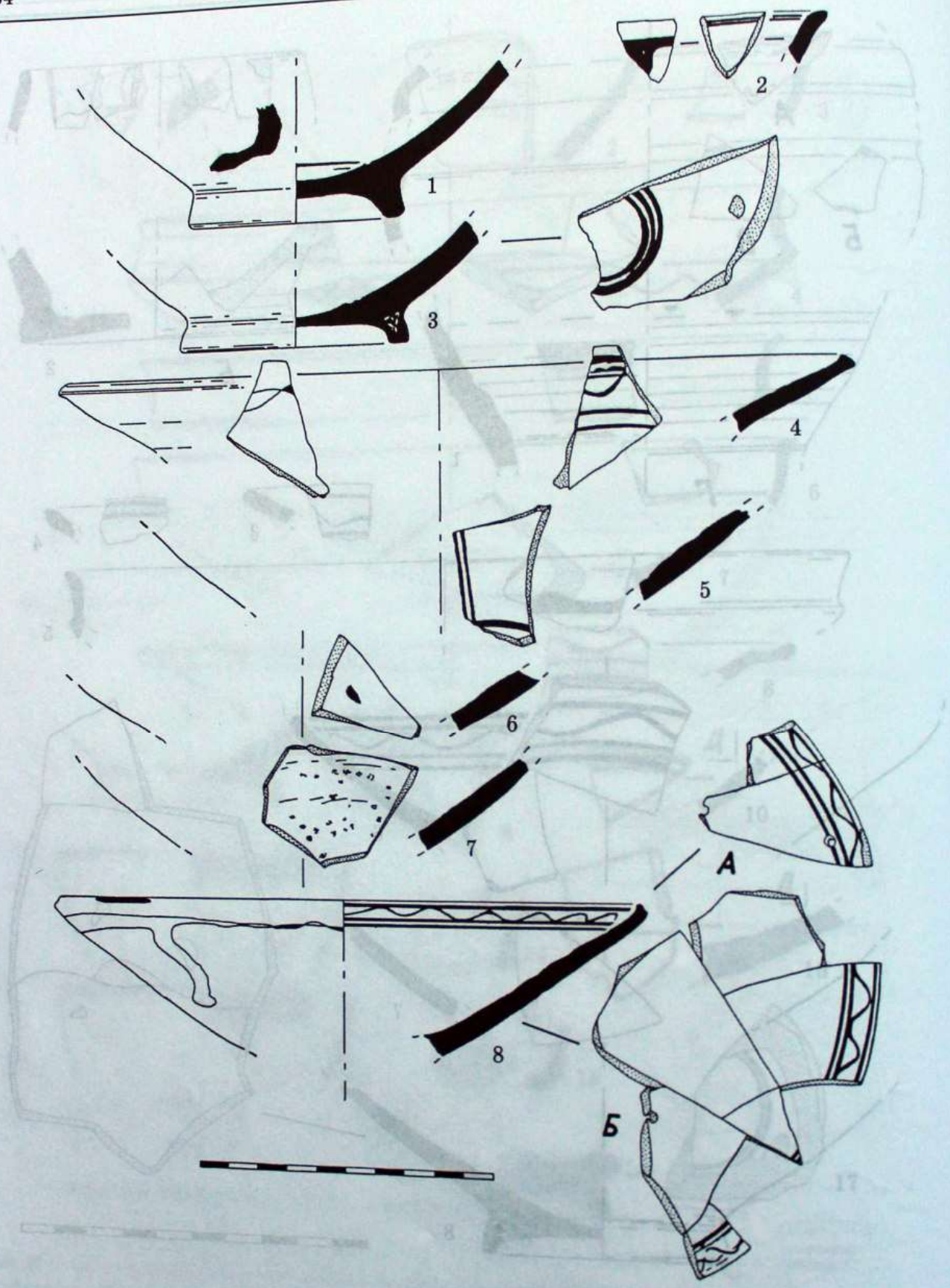

Рис. 16. Основная группа, подгруппа 2: с пористой формовочной массой и ангобом на внешней стороне (только с желтой поливой).

1 – 1/4 + 1/8 + Я. 7/1/7 (2 ф., один не подклеился) + Я. 7/3 + Я. 7//8 + Я. 9//3Г (2 ф.) + Я. 13/1/7 (всего 9 ф.); 2 – Я. 10/2/1; 3 – Я. 13/5/10; 4 – Я. 13/2/9; 5 – Я. 13/4/7; 6 – Я. 13/4; 7 – Я. 13; 8 – реконструкция по фрагментам, А – 2/26В + Я. 14/1/11, Б – 2/11АIII + 2/11АI + 2/12ВII + 2/23ВII № 95 + 1/23ГIV + Я. 22/1/23АБ + 1/11 № 76 + (от нее же, не подклеивающиеся) 2/23ГI + кв. 8, 11, 12, засыпь + Я. 14/1 + Я. 14/5/11 + Я. 23/2/24АБ (всего 14 ф.)

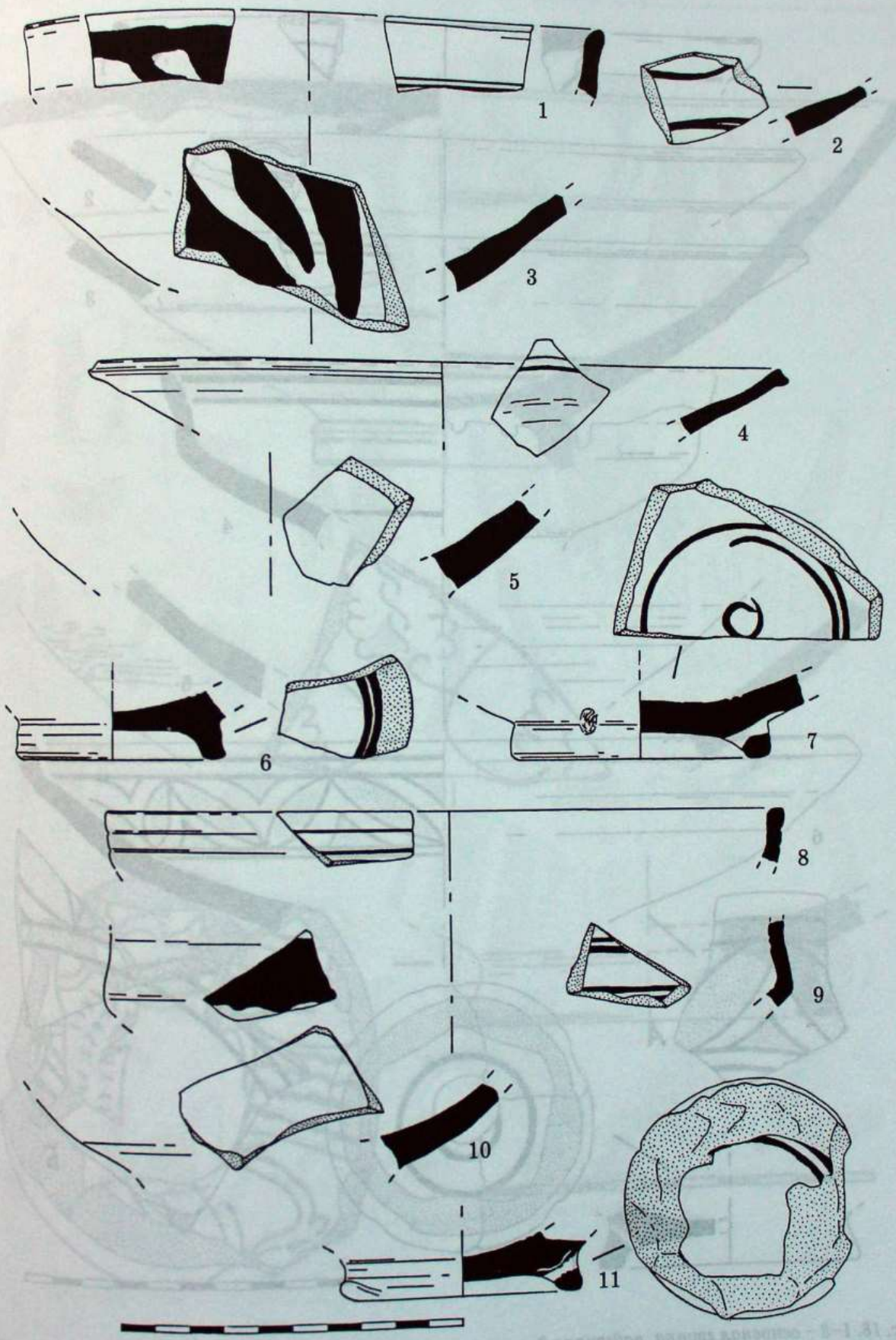

Рис. 17. Основная группа, подгруппа 2: с пористой формовочной массой и ангобом на внешней стороне (только с желтой поливой).

1 – Я. 22Б//23ГI; 2 – Я. 22/2/23; 3 – Я. 22/1/23; 4 – 3/24БIV = Я. 22/1; 5 – Я. 23/1/24ВГ; 6 – Я. 23/2/24АБ; 7 – Я. 23/1/25 (бровка); 8 – 3/24БI; 9 – 3/26ВII № 249; 10 – 2/29ГIV (бровка); 11 – 2/27ВIII № 189 (3 ф.)

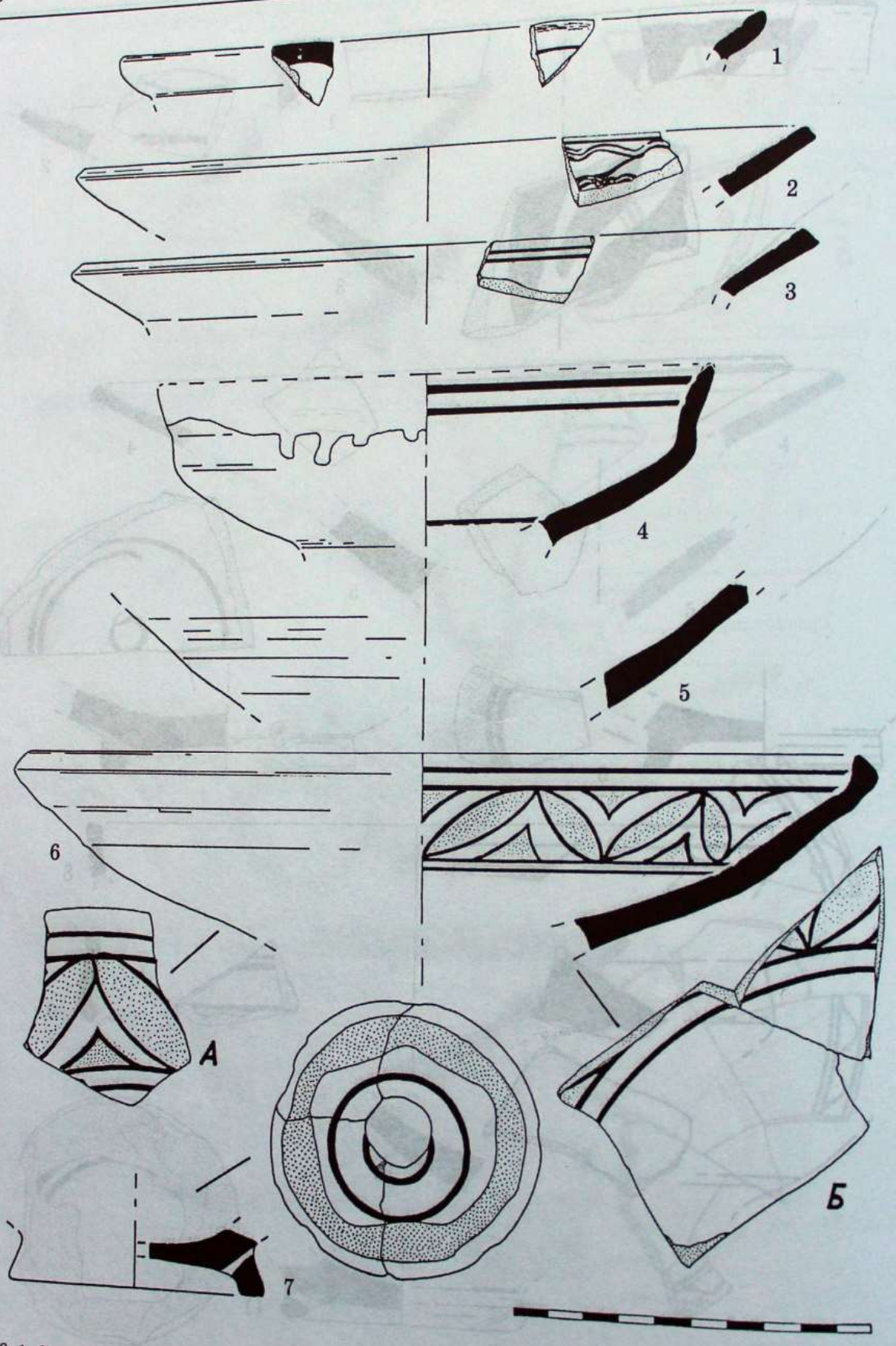

Рис. 18. 1–3 – основная группа, подгруппа 2: с пористой формовочной массой и ангобом на внешней стороне (№1 с зеленой и №№2, 3 с желтой поливой).
1 – Я. 10/3; 2 – Я. 23/1/24ГІ; 3 – 1/11; 4 – //24АБ (вспомогательная бровка + Я. 23/1/24ГІ + Я. 23/1/24ГІІ + Я. 23/1/24 (2 ф.) + Я. 23/1–2/24АБ + Я. 23/2 (всего 7 ф.); 5 – Я. 7/1/7 (зеленая полива сильно выветрена); 6 – полихромная рыхлая с основной кроющей поливой желто-зеленого цвета, А – Я. 24/2/31, Б – Я. 23/1/24ВГ + Я. 23/2/24АБ (2 ф.) + Я. 23/2/24ВГ, от нее же не подклеенные + 1/8 + Я. 13/2/9 + Я. 13/5 (2 ф.) + Я. 23//25 (всего 12 ф.); 7 – Я. 23/1–2/24АБ (2 ф.) + Я. 23/2/24АБ

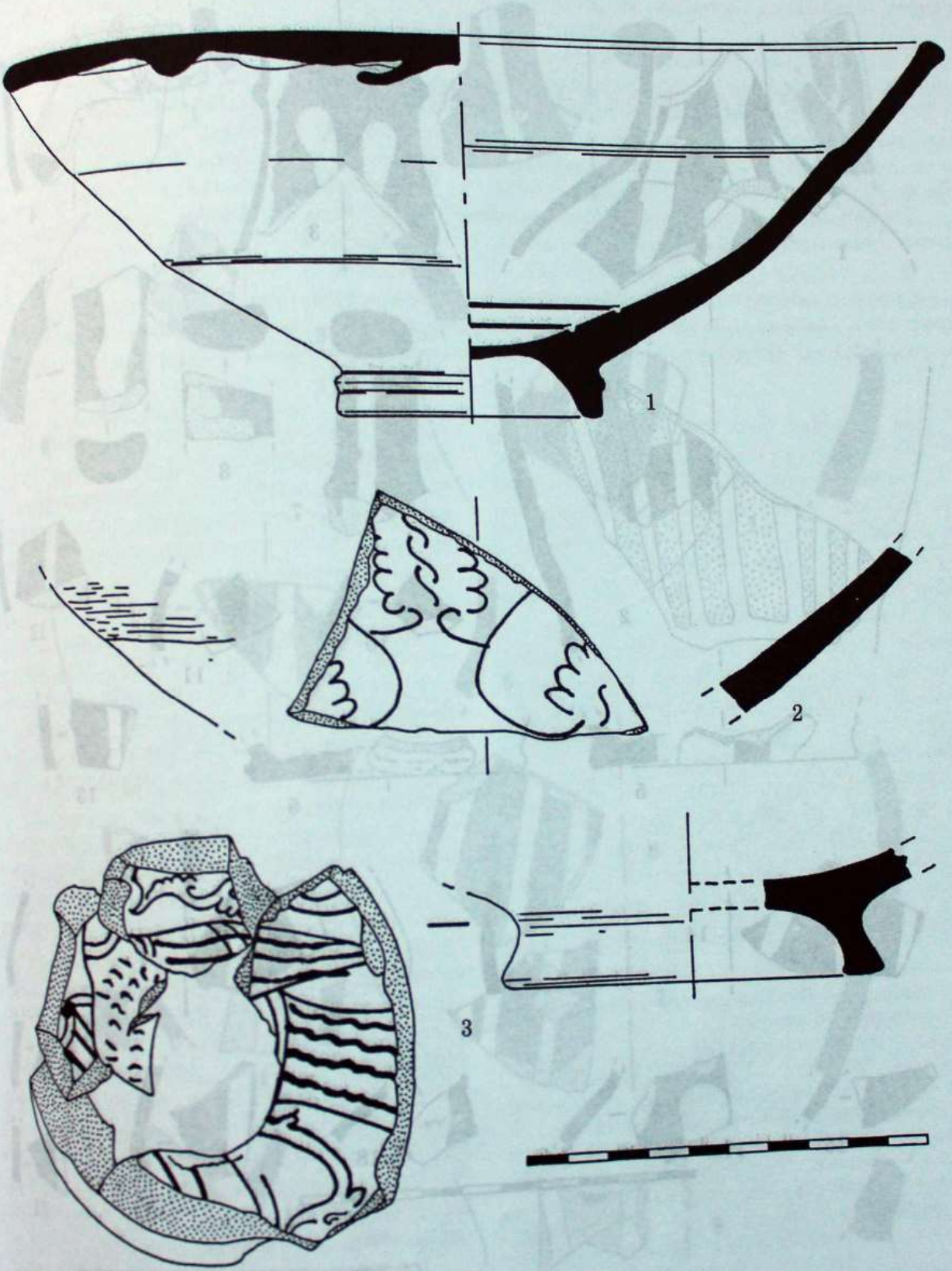

Рис. 19. Пористая толстостенная (разные группы).
1 – 2/27АII (?) + Я. 22/2 + Я. 23/1/24ГIV + Я. 23/1/25 (бровка) + Я. 23/2/24АБ (4 ф.) + Я. 23/3/24АБ + Я. 23/4 + Я. 23/5/25 + Я. 23, развал печи (всего 14 ф.); 2 – Я.23/1–2/24АБ; 3 – /кв.20, южная бровка + 1/21ВII № 40 + 2/25ВI + 3/24БI + Я. 23/1/24 + Я. 23/2 (всего 5 ф.)

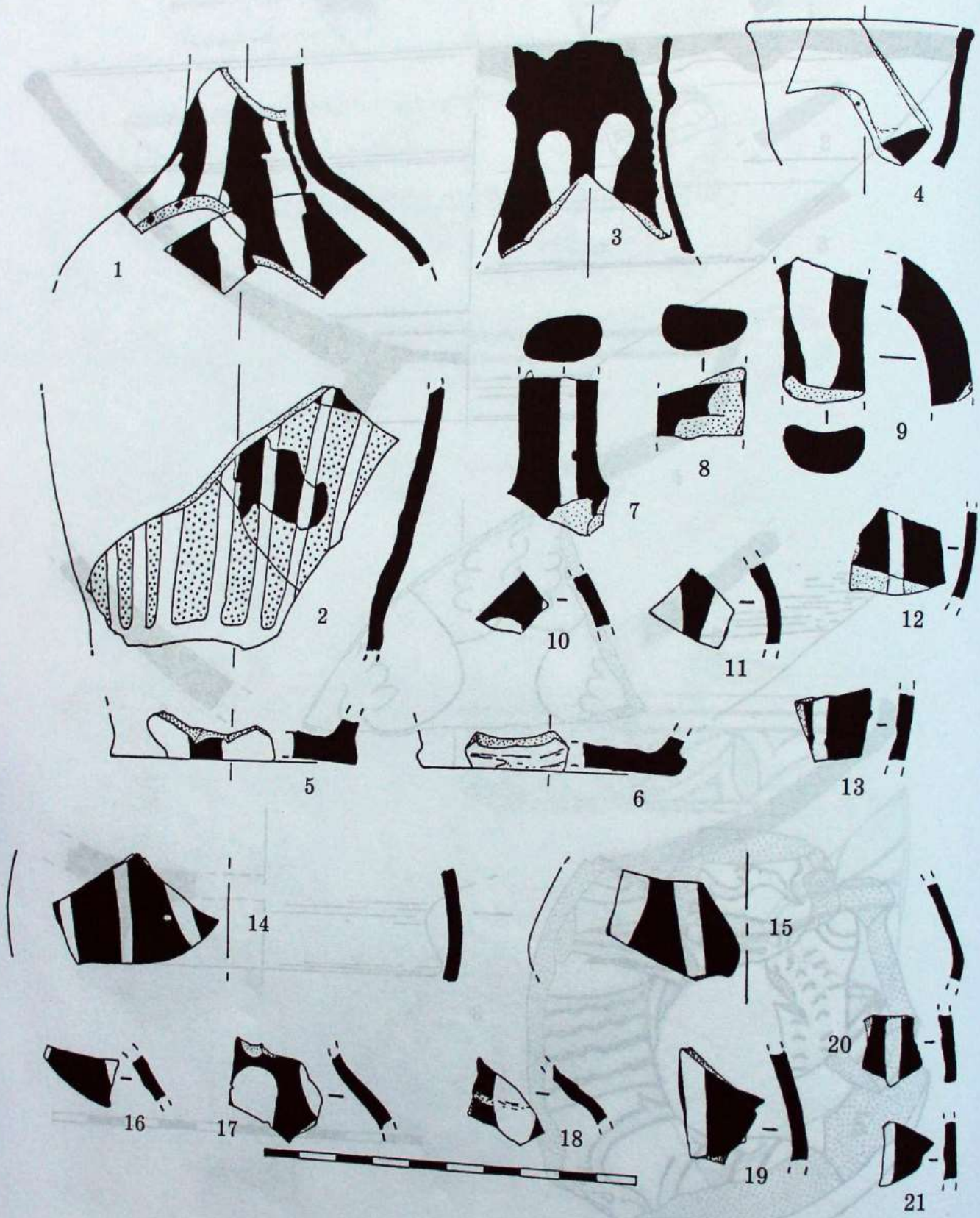

Рис. 20. Основная группа, подгруппа 5: тонкостенные кувшины с желтой поливой и росписью ангобом. 1 – Я. 14 + Я. 14/2 + Я. 29/3 (2 ф.); 2 – Я. 14/2 (2 ф.); 3 – Я. 13/4/6 (4 ф.); 4 – Я.7//8; 5 – Я. 23/2/24АБ; 6 – 3/29БI; 7 – 2/25BI; 8 – 1/12 № 91 (ручка с зеленой поливой, в отдельных местах непрозрачной, красно-коричневого цвета); 9 – Я. 23/2/24АБ (полива желто-зеленого цвета); 10 (№№ 10, 11, 15 – от одного сосуда) – Я. 29/2; 11 – Я. 29/2; 12 – Я. 13/1; 13 – Я. 13/2/9; 14 – Я. 13; 15 – Я. 14; 16 – 3/24БIV = Я. 23/1; 17 – Я. 23/1/24ГII (2 ф.); 18 – Я. 23/2/25; 19 – 1/8; 20 – Я. 7//8; 21 – Я. 7//8

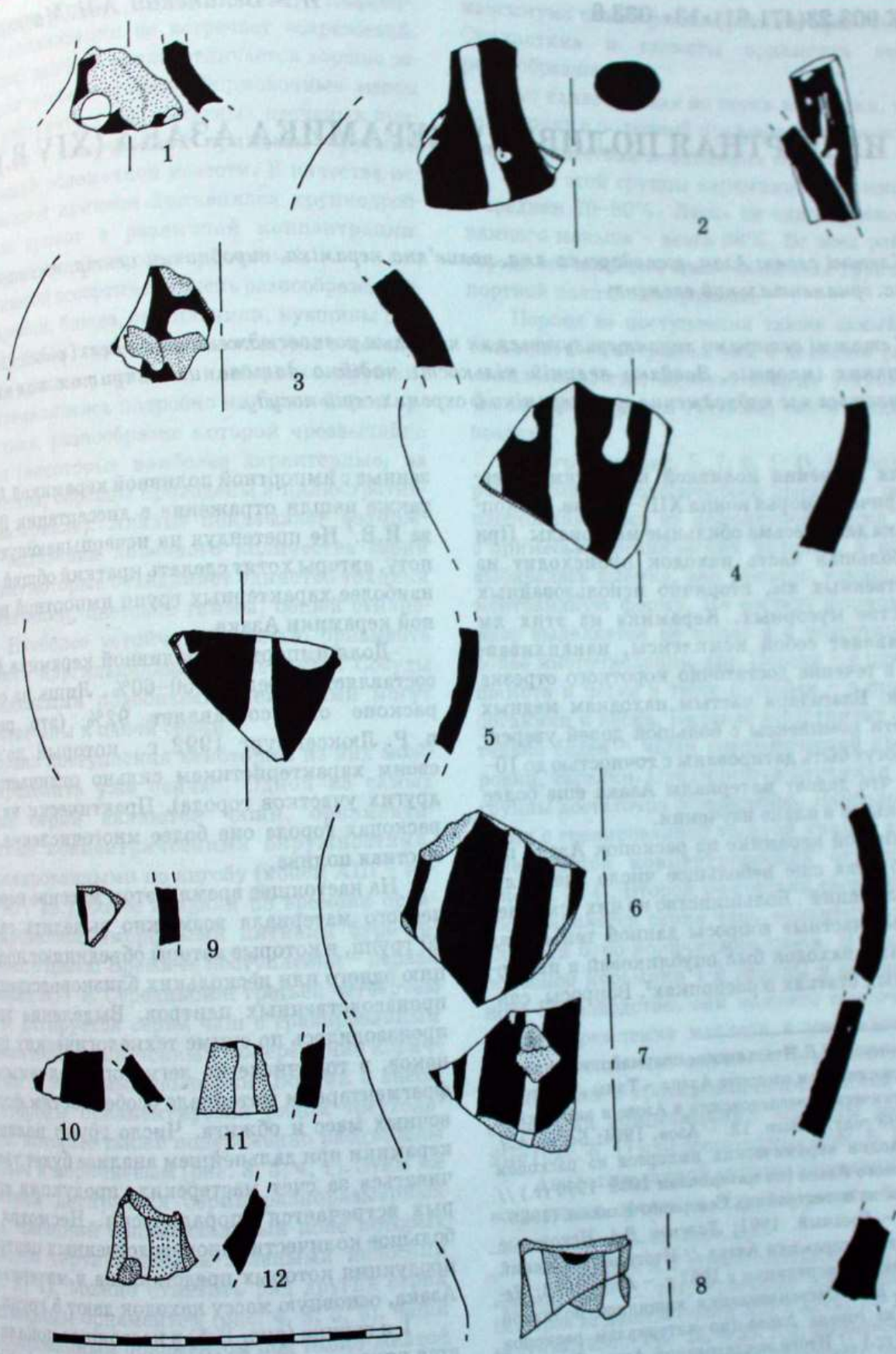

Рис. 21. Основная группа, подгруппа 6: толстостенные кувшины с желтой поливой и росписью ангобом. №№ 6–12 – с очень светлой желтой поливой, возможно, принадлежат одному сосуду.
1 – Я. 23/2/24АБ + Я. 23/4; 2 – 1/23ВIII; 3 – 1/8; 4 – Я. 13/4; 5 – Я. 8//8 (по качеству поливы аналогичен венчику на рис. 11, 4); 6 – 2/16БII № 178; 7 – 2/21АIV № 169 (с налепом от соседнего сосуда в горне или следом печного припаса); 8 – 2/21АIII + 2/24БIV; 9 – Я. 23//24 (развал печи); 10 – Я. 23/1/24; 11 – Я. 23/2/24АБ; 12 – 1/21АIII